

ОТДЕЛ ЛЕНИНГРАДСКОГО ГУБЕРНСКОГО КОМИТЕТА РКП (б)
ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И РКП (б)
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ИСПАРТ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

П. ЯНСОН

КАРАТЕЛЬНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ

В ПРИБАЛТИЙСКОМ КРАЕ

в 1905—1907 гг.

(ПО МАТЕРИАЛАМ
II ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ)

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ“

ЛЕНИНГРАД :: 1926

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДНИ В ПРИБАЛТИКЕ.

Революция 1905 года в Прибалтийском крае развернулась гораздо шире и глубже, чем в остальных частях России, за исключением столичных центров.

Руководящую роль в революции играл городской пролетариат, но активное участие принимал и сельский пролетариат, а также сельская мелкая буржуазия¹. Помещики в Прибалтийском крае — исключительно немецкие бароны². Они владели крупными имениями. Высокие продажные цены и высокая арендная плата за землю ставили крестьян в тяжелые условия. Помещики стремились сохранить и свои привилегии, оставшиеся от крепостного права: право на исключительную охоту, рыбную ловлю, устройство разных заведений и проч.

События 9 января вызвали единодушный дружный протест среди рабочих. Забастовочная волна охватила почти все рижские заводы и фабрики; постепенно присоединились и рабочие остальных промышленных городов — Либавы, Вindaвы и Митавы.

В середине января в Риге солдатскими залпами обстреливались на Рижском мосту мирные демонстранты (в результате 50 человек убитых и около 100 раненых).

После широкой волны политических забастовок, начинается переход к экономическим.

В марте месяце забастовочное движение распространяется по сельским местностям. Объявляют забастовки батраки в имениях нескольких уездов (в Виндавском, Гробинском и других)

Политические и экономические забастовки постепенно расширяются. Забастовка 1 мая 1905 года охватывает почти все промышленные и торговые предприятия в городах; довольно широко охватывает она и сельские местности.

В дальнейшем начался ряд церковных демонстраций. Церковь стояла открыто на стороне дворян и помещиков. В церквях разбрасывались прокламации, а в дальнейшем выступали ораторы-революционеры и происходили демонстрации.

¹ В Прибалтийском крае латышское сельское население разделялось так: крестьяне-усадьбовладельцы (фермеры)—около 25% всего населения,—они пользовались наемным трудом, и батраки (безземельные)—около 75%,—они работали по найму.

² Предки владельцев крупных земельных латифундий в Прибалтийском крае—пришлые в конце XII века, немецкие рыцари, крестоносцы, завоеватели Прибалтийского побережья.

Расправа происходила над невооруженным населением. Еще до сего времени в историко-революционной литературе были мало освещены те ужасы, которые пришлось пережить рабочим и крестьянам Прибалтийского края в темные дни реакции, не освещена та разбойничья работа, которая проделана была «культуртрегерами» — немецкими баронами и слугами самодержавия.

Депутатом II Государственной думы от города Риги Я. Озол (социал-демократом) было собрано значительное количество фактов о пытках в тюрьмах, о действиях полицейских чинов и карательных экспедиций. Социал-демократическая фракция Государственной думы, основываясь на этом материале, внесла 2 апреля 1907 г. запрос по поводу всего происшедшего в Прибалтике.

Согласно наказа, данного Государственной думе, на ее обсуждение можно было поставить запрос правительству лишь в том случае, если данный запрос соберет не менее 30 подписей депутатов. Ниже приводимый запрос собрал 35 подписей.

Социал-демократическая фракция Государственной думы хорошо знала, что поданный запрос в Думу ничего не поможет, но в то время трибуна Думы была единственным местом, откуда депутатам рабочего класса представлялась возможность открыто говорить, через головы черносотенных депутатов и министров, к народным массам, разоблачая действия слуг самодержавия.

При Государственной думе существовали разные комиссии по разным вопросам и все запросы, поступавшие в Государственную думу, направлялись в соответствующие комиссии. Вышеуказанный запрос тоже был направлен в комиссию, в которой председательствовал кадет, депутат Думы Пергамент.

Комиссия «по запросам» обсудила на своем заседании собранные социал-демократической фракцией Думы факты о действиях полицейских чинов в Прибалтийском крае и изложила их в своем протоколе. Указанные факты до известной степени дают картину событий. Ниже мы приводим текст запроса, протокол комиссии и речь депутата социал-демократа Озола.

I.

СРОЧНЫЙ ЗАПРОС¹.

31 марта 1907 г. в центральной тюрьме г. Риги произошло столкновение между тюремной стражей и заключенными, в результате чего 7 арестованных было убито и несколько десятков ранено.

Столкновение это вызвано невыносимым тюремным режимом и постоянными систематическими истязаниями и пытками, коим подвергались заключенные в рижских арестных помещениях, с целью добыть от них желательных для администрации показаний.

Подвергнутых в рижском сыском отделении и в участках пыткам и истязаниям — в Центральной тюрьме морили голодом, лишали врачебной помощи и свиданий с родными и всячески издевались над ними, пока, наконец, столкновение сделалось неизбежным. И теперь прикосновенные к столкновению предаются, согласно полученной нами телеграмме, военно-полевому суду для расстрела без суда и следствия.

В виду вышеизложенного соц.-дем. фракция предлагает Государственной думе сделать Совету министров следующий срочный запрос.

Какие меры правительство намерено принять против систематических истязаний и провокационных издевательств над заключенными в рижских арестных помещениях, дабы предотвратить в будущем повторения подобных столкновений, и какие меры приняты правительством для расследования настоящего дела и предотвращения казней невинных.

С.-Петербург, апреля 2 дня 1907 г.

Члены Государственной Думы: 1) Иван Озол, 2) А. Джапаридзе, 3) Г. Белоусов, 4) А. Г. Федоров, 5) Бодров, 6) А. Несторов, 7) Калинин, 8) Нагих, 9) Татаринов, 10) Атласов, 11) Ст. тер-Авитякянц, 12) Ф. Гудович, 13) В. Анисимов, 14) Марев, 15) М. Г. Зайцев, 16) Измайлов, 17) Митров, 18) Белановский, 19) Г. Алексинский, 20) Кумелис, 21) М. Муртен, 22) М. Фомичев, 23) В. Евреинов, 24) Голованов, 25) Сахно, 26) ?, 27) Церетели, 28) Ив. Юдин, 29) В. Серов, 30) И. Петров, 31) И. Романов, 32) Иорданский, 33) И. Лопаткин, 34) Аникин, 35) Вахрушев.

¹ Запрос был подан за № 5 в день написания его. Взят из «Материалов во время второй сессии Государственной думы 1907 года», стр. 711.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ ПО ЗАПРОСАМ 6 АПРЕЛЯ 1907 ГОДА.

II.

Комиссия по запросам, обсудив в нескольких заседаниях вопрос о столкновении между тюремной стражей и заключенными в Центральной тюрьме г. Риги и усматривая из представленных ей депутатом Озолем сведений, что условия содержания заключенных не в рижских только, а и во многих других тюрьмах и арестных домах Прибалтийского края представляют собою явное нарушение закона, постановила заявление о запросе внести в Государственную думу в следующем виде:

В Прибалтийском крае, одновременно с началом действия карательных отрядов, стали применяться при дознаниях страшнейшие пытки и истязания, имеющие целью доставить администрации необходимые данные для расстрела лиц, подозреваемых в прикосновенности к революционному движению.

Особенного расцвета достигли подобные пытки и истязания при допросах в Риге, в сыском отделении, помещающемся в главном полицейском управлении. Пытки при допросе лиц, подозреваемых в прикосновенности к так называемой милиции, или боевым организациям, практиковались в Рижском сыском отделении (в особенности под начальством Кошко) уже давно, но в конце декабря 1905 г. там для этой цели была образована целая «комиссия», куда вошли помощник начальника сыского отделения Швабе, помощник пристава Александровский, Грегус, Сабецкий, Давус и другие полицейские и сыщики. Комиссией этой, по собственному ее заявлению, было поручено прокурорским надзором и жандармским правлением производить «следствия» над политическими, а губернатором для этой же цели (по заявлениям самой же комиссии) было предоставлено комиссии право «убивать политических без суда и следствия». И действительно, истязания и пытки применялись с ведома и разрешения прокурорского надзора, жандармского полковника и высших административных властей края. Порядок допроса арестованных в сыском отделении был приблизительно следующий: каждого вновь арестованного, подозреваемого в прикосновенности к более «серьезным» делам, подвергали первому допросу обыкновенно около 8 часов вечера. Допрос сопровождался угрозами, избиванием допрашиваемого по лицу, животу и другим частям тела, при чем пускались в действие кулаки, каблуки и резиновые палки. Если избиваемый не сознавался во вводимом на него преступлении, то через минут

20—30 его отпускали до «настоящего» допроса. «Настоящий» допрос начинался только около 12 часов ночи, происходил во втором этаже, в комнате, выходящей окнами во двор. Допрос начинался кулаками, потом переходил к резиновым палкам, прикладам и др., при чем избиваемому затыкали рот мокрой тряпкой и били его по голове, по мускулам ног и рук и вообще по чем попало. Если и это не помогало, то арестованного бросали на пол и подвергали еще более жестоким истязаниям. Потерявшего сознание отливали водой, приводили в чувство и начинали истязать снова.

В ночь с 13 на 14 января 1906 г. 18-летнего Лапса, от которого никак не могли добиться никакого признания, повалили на пол; один из помощников пристава вскочил ногами на грудь его и прыгал до тех пор, пока грудная клетка и ребра у Лапса не были проломлены. После этого Лапса, вплоть до своего расстрела не мог ничего принимать, кроме воды. Страздыня, поваленного на пол, били по икрам ног до тех пор, пока те не распухли и мясо не стало отваливаться от костей. На голой спине Карлсона резиновыми палками искромсали написанный им самим и не понравившийся комиссии протокол дознания, тыкали пальцами и карандашами в глаза, били. Допрос каждого обвиняемого продолжался каждый раз по несколько часов и повторялся до тех пор, пока допрашиваемый не признавал себя виновным во всех взводимых на него преступлениях. Для «облегчения» признания наиболее упорных комиссия придумала особый способ: устраивала очные ставки с другими, менее упорными обвиняемыми и требовала только того, чтобы «допрашиваемый» признался, что он знаком с предъявленным ему лицом. Чтобы избавиться от дальнейших мучений, избиваемый обыкновенно соглашался. Этого было для комиссии вполне достаточно, так как рассказать под воздействием упомянутого «допроса» о совместных преступлениях двух, часто до того совершенно не видевших друг друга лиц, было делом менее упорного обвиняемого.

Таким образом Лапса, Паэгле, Карлсона, Страздыня, Грундмана избивали и пытали Грегус, Александровский, Сабецкий и Давус.

После таких истязаний те обвиняемые, на которых следы пыток были слишком ясно видны, отводились ночью за Гризенберг, около Центральной тюрьмы, и там расстреливались. Так, ночью с 17 на 18 января 1906 г. там были расстреляны, якобы при попытке бежать, вышеупомянутый Лапса с поломанной грудной клеткой и поломанными ребрами, Страздынь с изувеченными ногами, Петр Азен, труп которого потом найден с раздробленными костями, с отсеченной еще до расстрела ногой и нанесенными острым орудием бесчисленными ранами. 18 января убит там же штыком Бредис, 20 января Иван Аболтин, 26 января еще двое, 20 июня один. Оставшиеся же в живых пересылались в Центральную тюрьму и потом были передаваемы на основании полученных

таким образом «чистосердечных» признаний военному суду для осуждения по законам военного времени.

Арестованный 2 февраля 1906 г., Эйхгольц был подвергнут в сыском отделении самым бесчеловечным истязаниям. Его пытали четыре ночи, и в истязаниях, помимо вышеупомянутых лиц, принимал участие и пристав Грасман. Признаний от него, однако, не добились, и теперь он уже вторично предан военному суду, на основании оговора другого обвиняемого, Граубина, подвергнутого такому же истязанию. Таким же истязаниям с тою же целью были подвергнуты рабочие Ю. Шенбер и Иван Озолин, арестованные 6 февраля 1906 г.

17 февраля 1906 г. был арестован на улице Франц Вейнберг и отправлен во 2 участок Петербургской части. Там пристав Кукас и Михеев, желая вынудить у Вейнберга признание в соучастии в разных экспроприациях, начали жестоко истязать его. Его раздели до-нага, повалили на ножки опрокинутого стула, один казак держал за ноги, другой за голову, а четверо стали бить Вейнберга по голому телу проволоочной нагайкой и били до тех пор, пока весь пол не был покрыт лужами крови. Когда и после этого Вейнберг не признал себя виновным и не мог назвать других участников, избиение после некоторого перерыва началось снова и продолжалось, пока Вейнберг не лишился чувств. Его отлили после этого холодной водою, и истязания под руководством Михеева и Кукаса начались снова. Не вынудивши у Вейнберга сознания в участке, его отправили в сыское отделение, где истязания возобновили, пока, наконец, следующей ночью не вынудили у него признания, что он знаком с пред'явленным ему другим обвиняемым, неким Алдиным, у которого истязания вынудили такое же признание. Вейнберг предан военному суду.

14 марта 1906 г. в квартире были арестованы Эрнст Бирзнек, Ян Ретеюм и Анс Отруп, при чем в квартире их найдена была литература и оружие. После допроса в 1 участке Городской части все трое прокурорским надзором были препровождены в сыское отделение, где в течение 8 дней их подвергали самым изысканным пыткам под непосредственным руководством Грегуса, Михеева и Ткачева. Помимо уже описанных средств истязания к ним были применены еще более жестокие меры: рвали ногти, вырывали волосы, били по половым органам, ломали кости. 3 апреля был арестован некто Зирак, у которого нашли соц.-дем. газету «Борьба». Он был отведен в 3 московский участок г. Риги, и там его пытками заставили указать лиц, от которых он получил названную газету. По его указанию потом были арестованы на квартире Ян Банкович, Маде Фридрихсон и Яков Бредрих. Их всех отвели в 3 московский участок и там, под руководством Грегуса и полицейского надзирателя Ткачева, подвергли самым жестоким истязаниям, требуя от них указания типографии газеты «Борьба». Истязания и здесь происходили так же, как и в сыском отделении, по ночам, в особой комнате, и при истязаниях

применялись те же приемы. Функции палачей исполняли сам Грегус, полицейский надзиратель Ткачев, полицейские — Писарчук и Онуфрий.

Точно таким же образом Ткачевым, Грегусом и Онуфрием были подвергнуты истязаниям арестованные 25 марта Ян Витол, Альфред Гульбис и Роберт Скуя, которые во время пыток, под диктовку Грегуса и Ткачева, должны были написать свои «чистосердечные» признания. Через несколько дней после этого Витол был вызван к товарищу прокурора Бусло, который потребовал подтверждения данных в участке показаний, грозя в противном случае передать вновь его в руки Грегуса. Витол подтвердил.

Во 2 участке Московской части г. Риги истязаниями заведывали пристав Афанасьев, его помощник Лунин и Александров. Истязаниям там подверглись, между прочим, Ян Стерис, арестованный 11 марта 1906 г. и признанный невиновным, Микель Вижа, арестованный 8 марта, Вальтер, арестованный 1 мая 1906 г.

В истязаниях принимали участие, кроме вышеупомянутых трех полицейских, еще полицейский надзиратель Краевский и сыщик Меньшиков.

Во 2 участке Петербургской части истязаниями руководил пристав Кукас. Истязаниям в этом участке подверглись, кроме вышеупомянутого Фрица Вейнберга, еще Мартин Имак, от которого требовали признания в соучастии в ограблении завода Фельзера, имевшем место 17 февраля 1906 г. Истязание Имака происходило ночью с 27 на 28 февраля при непосредственном участии самого Кукаса. Имака раздели, били резиновыми палками до потери сознания, отливали, после чего избиение продолжалось вновь. Имак предан военному суду.

Арестованного 10 марта 1906 г. Августа Друкса, при личном участии Кукаса и его помощника, пытали две ночи подряд, пока не добились признания. На основании полученного таким путем признания и добытого тем же путем оговора другого лица, Друкса был предан военному суду и присужден 26 марта 1907 г. к смертной казни, несмотря на установленное свидетельскими показаниями на суде alibi Друкса. На-днях Друкса расстрелян.

Во 2 участке Митавской части истязаниями руководил пристав Мейер при ближайшем участии полицейского надзирателя Висмонта. Подвергнуты истязаниям арестованный 21 марта Петр Лушро, арестованный 24 сентября Фриц Берзин и другие, привлеченные по тому же делу, арестованные 17 октября 1906 г. Ян Розенгольц, Индрик Легздин и Мартин Арайс, обвиняемые в организации стачки. Не лучше обстоит дело и в других участках. Зачастую истязаниям подвергаются не только привлеченные, но и их родные и домашние. 20 апреля 1906 г. полицейским надзирателем Тором в Старо-Мюльграбене были подвергнуты истязаниям родители розыскиваемого В. Преде, Ян и Лене Преде за то, что сына их не оказалось дома. Жалоба их на имя генерал-гу-

Бернатора была передана для расследования приставу местного участка и поэтому, конечно, осталась без последствий.

Во время сессии I Государственной думы истязания и пытки ослабли, но только для того, чтобы после разгона Думы возобновиться еще с большей жестокостью и свирепостью. Кульминационного пункта пытки достигли после назначения прибалтийским генерал-губернатором Меллер-Закомельского и после опубликования им циркуляра в ноябре 1906 г. о прекращении пыток.

18 августа в г. Виндаве был арестован ученик V класса виндавского реального училища, 16 лет, Эдуард Знотынь за передачу одного экземпляра выборгского воззвания. Знотынь уроженец г. Виндавы, но тем не менее 10 октября он был отправлен в г. Ригу, будто бы для опознания. Он просидел без допроса 12 дней в сыском отделении, где его морили голодом; 22 октября в 4 часа утра его повели наверх для допроса. Первый предложенный ему вопрос гласил: «известно ли тебе для чего ты сюда прислан?». — «Известно, для опознания». — «Не для опознания, а для пытки», был ответ. Его повалили на скамейку, сорвали с него одежду и шесть человек начали бить нагайками, между прочим и так называемой «Марьей Ивановой» — проволочной нагайкой, обшитой кожей. Били по голове, били по рукам, по спине, по половым органам, пока, наконец, все тело не превратилось в одну зияющую рану. От Знотыня требовали указания виндавского социал-демократического комитета. Знотынь молчал. По ходатайству отца, шкипера, он 27 ноября 1906 г. был освобожден. Здоровье его до сих пор еще не восстановлено. Генерал-губернатор отказал ему в разрешении поехать на юг лечиться.

Арестованный 18 марта 1906 г. учитель Ризга, после 5-месячного сидения в Центральной тюрьме был препровожден оттуда в сыское отделение для «допроса». Допрос производился под руководством Грегуса и Михеева. Его раздели, повалили на скамейку, привязали и стали истязать резиновыми палками. Сначала отсчитали до 40 ударов и сделали паузу, потом еще столько же, после некоторой паузы опять стали бить. Голую спину его покрыли мокрой тряпкой и приступили к избиванию в четвертый раз. Надели петлю на шею, грозя повесить, и потом опять принимались за истязания, пока Ризга, наконец, не лишился чувств. От Ризги требовали признания в убийстве какого-то пристава в Могилевской губернии. На другой день случайно обнаружилось, что он не мог участвовать в убийстве, и его отправили обратно в Центральную тюрьму. Но в сентябре он снова был вызван в сыское отделение. На этот раз его стали обвинять в соучастии в ограблении вместе с Беленцовым, Московского Купеческого банка. Пять ночей Ризга крепился, но на шестой день не выдержал и подписал заранее составленный уже Грегусом протокол дознания. В этом протоколе, между прочим, значилось, что брат Ризга также участвовал в ограблении и с 15.000 руб. бежал в Америку; что Беленцов писал Ризге в тюрьму письмо, которое

Ризга бросил в отхожее место. По полученным, однако, потом полицией сведениям оказалось, что брат Ризга уехал в Америку еще до ограбления Московского банка, ибо карательный отряд сжег усадьбу его отца, в которой он проживал. Также оказалось, что Беленцов Ризге никакого письма не писал. После этого Грегус потребовал от Ризги исправления в этих двух пунктах «чисто-сердечного» признания его, занесенного раньше в протокол. И это желание сыского отделения было Ризгой исполнено, а 26 февраля 1907 г. рижский временный военный суд Ризгу оправдал.

22 августа 1906 г. был арестован Ян Кенин; его отвели в сыское отделение, где на четвертую ночь он был подвергнут допросу. Сначала ему прочли длинный ряд разных, будто бы совершенных им, преступлений, потребовали признания, если не во всех этих преступлениях, то, по крайней мере, в части их. Кенин не признал себя виновным, и начались истязания при личном участии Грегуса, Михеева, Давуса, Циммермана, Петрова и других двух полицейских. Сначала наносились побои. Потом его раздели, повалили на скамейку, привязали, заткнули рот тряпкой, и двое полицейских начали истязания сначала резиновыми, а потом проволочными нагайками. Когда спина у Кенина вспухла, ее покрыли мокрой тряпкой, и истязания продолжались. Кенин лишился чувств, его облили холодной водой, и едва он очнулся, как истязания начались снова. Наконец его развязали, рассыпали по полу острые куски сахара и двое полицейских подняли его голого на 2 аршина от пола и бросили со всего размаха на куски рассыпанного сахара.

10 октября были арестованы по подозрению в соучастии в грабеже Озоль, Ян Гайлит и Лус. Их подвергли в сыском отделении самым зверским истязаниям: били, ломали кости, рвали ногти, изувечили, пока, наконец, не добились требуемого признания.

13 октября на основании этих «признаний» они расстреляны по приговору военно-полевого суда.

29 ноября 1906 г. был арестован Юлий Келле-Пелле. Истязали его Грегус, Давус и Михеев. Метод истязания был тот же, что и других. Истязания продолжались до потери сознания, его отливали водой и продолжали снова. Обвиняли его в принадлежности к сообществу анархистов-коммунистов и требовали подписания уже заранее изготовленного протокола. Келле-Пелле протокола не подписали, и 4 января военно-полевой суд приговорил его только к каторге. После суда Келле-Пелле позвали снова «наверх» и в отместку за то, что он осмелился рассказывать на суде о своих пытках, Грегус и Михеев подвергли его снова зверским истязаниям, грозя отвести его куда-нибудь в деревню или на Гризенберг и «при попытке бежать» расстрелять. И действительно, 14 февраля Келле-Пелле вместе с Янсоном был отправлен, якобы для какого-то допроса, в Рингмундсгоф, где Келле-Пелле никогда в своей жизни не бывал. К счастью для него в немецких

газетах немедленно появилось известие, что Келле-Пелле и Янсон по дороге в Рингмундсгоф «при попытке бежать» расстреляны. Сообщение оказалось преждевременным, и его вместе с Янсоном привезли обратно в Ригу, ни разу не допросив в Рингмундсгофе.

Одновременно с Келле-Пелле в рижском сыском отделении был подвергнут таким же истязаниям вышеупомянутый Янсон.

Арестованных тогда же по делу об ограблении завода Мартинсона, Неймана, Юра Бископа и других подвергли до того бесчеловечным истязаниям, что, например, Нейман после нескольких приемов истязаний не мог ни стоять, ни ходить. Юра Бископ точно также не мог сам ходить: на отхожее место водили его товарищи, а к пыткам наверх носили на руках сыщики. Но и в этом состоянии продолжали его истязать, и вплоть до своей смерти он мочился кровью. Но, очевидно, добытые таким путем от обвиняемых данные не были еще достаточны для их расстрела и для предания их военно-полевому суду. Поэтому Грегус и другие посредством пыток старались склонить других к их оговору. Так, например, Ян Аболин три ночи подряд был подвергнут пыткам, и в конце концов требовали от него только того, чтобы он оговорил обвиняемых. На заявление Аболина, что он по этому делу ничего не знает, Грегус ответил, что это несколько не мешает и что он должен делать то, что ему приказывают, в противном же случае его, Аболина, снова станут пытаться и расстреляют; за оговор же пообещали ему награду. Аболин не согласился, и неизвестно, нашелся ли среди других привлеченных по тому же делу кто-либо, согласившийся на предложение Грегуса. Известно только то, что 22 декабря 1906 г. Бископ, Нейман и 3 других по приговору военно-полевого суда были расстреляны, несмотря на то, что даже сами ограбленные члены администрации завода «Мартинсон» ни в ком из них не признали виновников ограбления.

30 ноября 1906 г. в г. Риге было арестовано 15 человек: Валериан Журавский, Карл Лагсдин, Ян Руман (17 л.), Павел Ландман, Ян Крумин, Ян Лус, Петр Паэгле, Вильгельм Муценек, Эдуард Райнинг, Петр Бренгул, Адольф Иордан, Иоган Миллер, Отто Сникер и Эдуард Лук. К ним был присоединен еще арестованный за месяц перед тем Фердинанд Грюнинг. Последний при аресте был подвергнут в сыском отделении до того бесчеловечным пыткам, что 22-летний здоровый юноша превратился в лысого, изувеченного старика. Однако оснований для предания его военно-полевому суду не нашли, и он был препровожден в Центральную тюрьму. Оттуда он после ареста упомянутых лиц был снова препровожден в сыское отделение. Что там проделывалось с арестованными, известно уже из газет (см. «Речь» №№ 49 и 52 за 1907 г.). Их избивали нагайками, топтали ногами, ломали кости, рвали волосы и ногти, тушили папиросы и сигары о тело, сдавливали половые органы, а к Грюнингу, как самому упорному, применяли еще специальную пытку. Его повалили, привязали к скамейке, положили поперек его доску и двое полицейских качались

на ней, ломая у Грюнинга спинной хребет. На основании полученных таким путем признаний и оговора десять человек по приговору военно-полевого суда от 7 декабря 1906 г. были расстреляны 8 декабря на Песках около Центральной тюрьмы. От Грюнинга же, преданного вместе с другими военно-полевому суду, вопреки точному смыслу положения о военно-полевых судах, никаких признаний в преступлениях не добились, и он вместе с Сникером был приговорен к 15-летней каторге. Дабы скрыть следы зверских истязаний Грюнинг и Сникер были отправлены в Кокенгузен для расстрела «при попытке бежать», что и было сделано 27 декабря 1906 года.

В числе прочих жертв «рижского музея» от осени 1906 г. укажем еще на Митревица, Осита, Бекмана, Томсона, Шмурге, 14-летнего Иванова, Дреймана и Мартинсона.

Митревиц был подвергнут избиванию два раза. После первого избивания он был отправлен в Центральную тюрьму и передан в ведение жандармского управления, но потом поступил опять в распоряжение сыского отделения. Томсон заболел от испытанных истязаний, мочился кровью и часто падал в обморок. Виновность его не была установлена, и он был административно выслан. Бекмана пытали до тех пор, пока он после нескольких обмороков не сознался во всем, что от него требовали. Бекмана, а также Осита и других пытали при звуках шарманки, а полицейские чины в это время пьянствовали.

По приговору военно-полевого суда Бекман расстрелян 19 января 1907 г. От Осита требовали сознания, что он есть разыскиваемый карательными отрядами учитель Лепинь. Осит выдержал три приема пытки, настаивая на том, что он, Осит, — рабочий завода Феникс, а не Лепинь. Однако, в четвертый раз он не выдержал и согласился, что он и есть учитель Лепинь.

Через три-четыре дня к нему в камеру зашел сыщик Давус и заявил: «ты не Лепинь, а Осит». В следующую же ночь он снова был подвергнут пыткам по обвинению уже в убийстве драгун. Его повалили на ящик головою вниз и избивали до тех пор, пока резиновые палки и руки избивающих не покрылись кровью. Потерявшего сознание Осита отлили водой и стали истязать снова. Он сам уже не мог встать, его положили на скамейку и снесли в камеру, припевая: «вставай, подымайся рабочий народ».

Матрац и постельное белье не полагаются в сыском отделении и Осит был брошен на голые нары. Он пролежал больше недели, в клозет носили его на руках его товарищи. Больше двух месяцев не давали ему менять белье. Врачебная помощь не полагается в «рижском музее». Только после того, когда гноящиеся раны наполнили смрадом всю камеру, был вызван фельдшер. Еще спустя два месяца у Осита в мягких частях тела были гноящиеся раны величиною с кулак. Смургис, Нетте, Дрейман, Георг Красовский, после самых жестоких истязаний, 24 сентября были преданы военно-полевому суду. Смургис и Нетте были приговорены

к 20-летней каторге каждый, а последние двое оправданы. В тот же день они в сыском отделении были подвергнуты новым пыткам, между прочим зияющие раны Дреймана посыпали солью и стали тереть их. Мучения были до того ужасны, что он предпочел смерть и подписал пред'явленный ему протокол. 25 сентября 1906 г. он вместе с другими был предан военно-полевому суду, по распоряжению генерал-губернатора Соллогуба, вторично в новом составе и приговорен к смертной казни и расстрелян.

Такие же пытки, как в Риге, применялись и в других местах Прибалтийского края. На ст. Огер пытками руководил младший помощник уездного начальника Ионин. Нередко из Рижского сыского отделения, в виду изобилия привлеченных, жертвы отправлялись для довершения допроса в Огер. Арестованный 30 января 1907 г. Федор Керевич, после истязания в сыском отделении, был отправлен в Огер, где его продолжали пытать до тех пор, пока он не признал виновным как себя самого, так и своего брата, расстрелянного уже раньше по приговору военно-полевого суда. Его ожидает временный военный суд. Арестованный 27 октября и отправленный в Огер Яков Заренко был раздет и избит проволочной палкой. Ему рвали волосы, бороду, усы, тушили о тело папиросы; Ионин собственноручно рвал за половые органы, топтал ногами, выбил у него глаз. Истязания Заренко продолжались целую неделю. Признаний не добились, и тогда же Заренко все же был расстрелян без суда и следствия.

15 декабря ночью были арестованы Фридрих Шенынь и И. Карнуп на своей же квартире. Их отправили в Огер и там стали истязать. Когда Шенынь запротестовал, Ионин бил его кулаком по лицу, приговаривая: «извини, извини, собака». Истязание продолжалось целую ночь. Калеку Карнупа, который ходил при помощи искусственной ноги, истязанием заставили признаться, что он «боевик». Шеныня же только обвиняли за распространение прокламаций, и он, за неимением улик, был впоследствии освобожден. Отто Немуса избивали до потери сознания и таскали его за волосы, чтобы привести его в чувство.

12 декабря в г. Риге была арестована женщина (фамилии которой, по собственной его просьбе, пока не называем) и отправлена в Огер. Здесь Ионин с четырьмя стражниками, среди которых были Отто Кивит, Зайцуп, истязали ее, били нагайками, проволочными палками. Избитые и раненые места терли материей и сжимали руками. Истязания ее продолжались три ночи. Ножницами грозили отрезать нос, били по зубам, по коленам и не давали никакой пищи. Несколько раз она теряла сознание и какое насилие было совершенно над нею за это время — неизвестно. Ее выпустили за неимением улик, через три недели. От нее требовали указания склада оружия. К. Розенберг, арестованный 1 января 1907 г. вместе с Коцером у Стразденгофской мануфактуры в г. Риге, был сначала подвергнут истязаниям в бывшем водочном заводе «Бертуль» урядником Скубинем и еще одним полицейским.

Оттуда их препроводили в Огер и там истязали до тех пор, пока они не признались во всем. Между прочим Ионин щипцами скручивал волосы и вырывал их. Одновременно с ним там же были подвергнуты истязаниям Танис, Сея, Дзелзау. На более сильных одевали смирительную рубашку (в виде хомута) и уже в таком положении их пытали.

4 сентября 1906 г. в усадьбе Цали, Альдбергфридской волости, Курляндской губернии были арестованы Михеевым из г. Риги три брата Биринь. При обыске ничего предосудительного найдено не было. Тем не менее, они были тут же подвергнуты жестоким избиениям. Их отправили в рижское сыское отделение, где истязания продолжались по вышеописанному методу. Особенно жестоко истязали Эдуарда Бириня, обвиняя его в редактировании социал-демократической газеты «Борьба». Через 16 дней отправили его вместе с Арнольдом Мартинсоном в Ленневарден, где в то время находился драгунский карательный отряд с полковником Принцем во главе. Туда явился Ионин, и при участии драгун начались истязания. Повалив Бириня наземь, его били нагайками, а потом терли израненные места рукоятками нагаек, или, по выражению Ионина, «делали массаж». То же самое несколько дней подряд проделывали с Мартинсоном и с тремя арестованными крестьянами. Их топтали ногами, вырывали шпорами мясо из икр, так что кровь струилась из башмаков. В то же время из Рингмундсгофа был привезен в Ленневарден 60-летний железнодорожный сторож Крегер с женой и дочерью (23 лет). Все трое были раздеты и подвергнуты жестоким пыткам; после того дочь Крегера умерла. Сюда же были привезены крестьяне Вилип и Юргенс из Икскыля, Фриц Штигер, Лепинь и Берзин из Фридрихштадта и подвергнуты таким же истязаниям. Истязаниям подвергались и малолетние. Избивали 8-летнюю Анну Пурьнь, требуя от нее указания местонахождения ее отца. Сюда же был привезен из Рижской центральной тюрьмы крестьянин Левдонский, подвергнут пытке и 7 октября расстрелян. Из Ленневардена Эдуарда Бириня отправили в Огер. В Огере его встретил жандармский подполковник Байков, допросил его и пригрозил повесить в случае отказа от дачи показаний. Присылаемых из Риги как в Огере, так и в Ленневардене держали в большинстве случаев закованными в цепи.

8 февраля 1907 г. младшим помощником гольдингенского уездного начальника Вольфманом был арестован у себя в усадьбе крестьянин Крист Сальнынь, Шрунденской волости. Его отправили в арестное помещение уездного начальника фон-Бредериха, находящегося в имении последнего — Курмален. От Сальныня требовали оговора другого лица и подвергли зверским истязаниям и пыткам. Сначала били его ивовыми прутьями по пяткам, потом жгли пятки горячей свечей, избивали, наконец скрутили железной цепью ноги и повесили его на стене ногами вверх и в таком положении стали вновь избивать.

В Виндаве 19 октября 1906 г. в квартире Вульфа Бермана был арестован 15-летний сын его, Лейба Берман. По распоряжению офицера Кивей-Гудже, мальчик был подвергнут истязанию в местной казарме с целью вынудить у него признание в соучастии в убийстве гольдингенского городского головы Адольфи, убитого еще в 1905 г. Мальчика избивали до потери сознания, и только заступничество виндавского городского головы и других спасло его от дальнейших истязаний. Его отправили в Гольдинген, где его сейчас же освободили.

В Дондангене были расстреляны 9 октября два брата Трейлони по приговору военно-полевого суда. Они «чистосердечно» признались в поджоге усадьбы своего соседа. После расстрела выяснилось, что они этого не делали. В виндаве в середине февраля 1907 г. пытали 16-летнего Дзегуза до тех пор, пока он не признал виновным себя и расстрелянного перед тем без суда и следствия и без пред'явления какого бы то ни было обвинения, социал-демократического крестьянского уполномоченного Трейя — в убийстве виндавского уездного начальника Брауна. 21 сентября 1906 г. урядником Сергеевым и стражником Кривцовым подвергнут жестоким истязаниям учитель Лоренц, доставленный в Прекульн к приставу барону Багге.

Трудно в точности указать число жертв всех этих застенков, но с уверенностью можно утверждать, что все расстрелянные по приговору военно-полевых судов и «при попытке бежать», а равно и по приговорам временных военных судов прошли через «рижский музей» и его отделения. Многие попали отсюда в тюрьмы и, измученные телом и душой, явились живым олицетворением этого режима средневековой инквизиции. Желая предотвратить оглашение всех этих ужасов, администрация пыталась всеми средствами оградить тюрьму от внешнего мира. В тюрьмах введен каторжный режим. Заключение лишены книг по целым месяцам, переписки и свиданий, лишены права получать с'естные припасы от родных; белье принимается не регулярно. По усмотрению тюремного начальника, тюремные лишаются прогулок, сажаются на хлеб и воду в холодный темный карцер. Целые месяцы и даже годы люди томятся без всякого суда и следствия и часто даже без пред'явления обвинения в переполненных до невозможности тюрьмах. Непосредственно за тюремной оградой, под окнами камер заключенных почти ежедневно происходит расстрел, часто ни в чем неповинных людей... А внутри тюрьмы издевательства и насилия тюремной стражи и надзирателей провоцируют заключенных на поступки, имеющие своим последствием новые расстрелы.

Осенью 1906 г. в Рижской центральной тюрьме стражей убито двое политических заключенных: 17 сентября Эмма Достер и 8 декабря Лелгалв за то, что стояли у окна, а ранено (в июле) четверо, из коих двое — Лаздин и Залман — умерли.

Самоубийством покончили в Рижской центральной тюрьме трое, в том числе 23 сентября Наркевиц после данного им в сыском отделении чистосердечного признания. 31 марта 1907 г. в 8 часов утра в 4 корпусе Рижской центральной тюрьмы сторож Соколовский выпустил партию политических арестованных в коридор умываться. Сторож стал без всякой причины грубо ругать заключенных и сильно ударил арестованного Боксберга. Последний стал защищаться. Сторож позвал на помощь стоявшего в коридоре солдата. Защищаясь, арестованные сломали у солдата тюремной стражи и несколько надзирателей. Спасаясь от выстрелов, арестованные устремились в верхний этаж и обезоружили четырех солдат. Солдаты, стоя на лестнице, продолжали стрелять в заключенных, несмотря на то, что последние отнятыми ружьями не отстреливались. Убито семь: Лаблайк, Блау, Кириш, Мурман, Боксберг, Линкис, Шмоге; тяжело ранено 17, из которых двое уже умерли в тот же день.

В виду вышеизложенного комиссия предлагает Государственной думе обратиться к министрам внутренних дел и юстиции с следующим запросом:

1) Известны ли им указанные факты систематических истязаний заключенных в тюрьмах и арестных помещениях Прибалтийского края.

2) Какие приняты ими меры на предмет устранения установленного порядка применения пыток к заключенным и глумления над ними, а равно привлечены ли к суду виновные в этом должностные лица.

Председатель: Пергамент.

Секретарь: Шмарин

III.

СРОЧНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ СОЦ.-ДЕМ. ФРАКЦИИ ГОСУД. ДУМЫ 13 апреля 1907 г.

О карательных экспедициях в Прибалтийском крае в 1905 году.

О действиях карательных экспедиций социал-демократической фракцией было подано заявление¹, в котором изложены факты, собранные со всех уездов Курляндской и Лифляндской губерний, некоторых уездов Эстляндской губернии и Латгальской части Витебской губернии.

13 апреля 1907 года заявление было подано председателю Государственной думы с 42-мя подписями. От социал-демократической фракции подписали: Озоль, Алексинский, Аникин, Измайлов, И. Юдин, М. Муртен, Вахрушев, И. Романов, И. Петров, И. Карпенко, Богошев, Белановский, А. Калинин, Кациашвили, Е. Петров, Мандельберг, П. Кумелис, А. Купстас, Приходько, Лопаткин, Баташев, Марев, Митров, Белановский, Зубаров.

От трудовиков подписали: Булат, Кимряков, Е. Сорокин, П. Шапин, А. Лоски, Алаказов, М. Попов, Немальцев, Нечитайло, Снигирь, Толмачевский, Тимошин.

От социалистов-революционеров — Архангельский и Мущенко.

От кадетов — Юргенс, А. Юргеншенк, К. Парет и Трейман.

Заявление заключало в себе 64 страницы. Приводим ниже несколько страниц из вышеуказанного документа о действиях карательных экспедиций в Рижском уезде. Аналогичные факты были и в других уездах.

Вот текст этого заявления:

СРОЧНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ О ЗАПРОСЕ № 22.

19 ноября 1905 г. в г. Риге, с разрешения лифляндского губернатора Звегинцева, был созван съезд представителей всех волостных правлений латышской части Прибалтийского края. Задачей съезда было — изыскание средств успокоения взволнованного незаконными действиями помещного немецкого дворянства и находящейся в их руках местной администрации населения. В день открытия съезда губернатор взял свое разрешение почему-то обратно, но тем не менее по ходатайству собравшихся уже пред-

ставителей волостных правлений, администрация не воспрепятствовала съезду собраться, и последний, с ведома губернатора и под охраной полиции, успел в двух открытых заседаниях рассмотреть намеченный уже раньше порядок дня. Все постановления съезда на другой же день были опубликованы в местной прессе и опротестованы никем не были.

Съезд в своей резолюции от 19 ноября 1905 г. постановил: «Принимая во внимание:

«1) Что нынешние волостные правления и волостные суды избраны только одной частью населения и не могут поэтому быть защитниками нужд всего населения;

«2) что до сих пор они были в руках самодержавия лишь слепым орудием угнетения народа и часто являлись столь же деморализованными, как сама самодержавная бюрократия, почему и не пользуются, как то подобает ответственным волостным учреждениям, доверием всего населения;

«собранные представители органов самоуправления Латышского края находят, —

«что нынешние волостные правления не в состоянии положить предел произволу бюрократии и что поэтому старые волостные учреждения следует заменить новыми, избранными на строгих демократических началах».

Дальше съезд нашел, что до разрешения вопроса о реорганизации органов местного самоуправления общегосударственным порядком, для удовлетворения самых насущных нужд населения, следует избрать временные распорядительные комиссии, которым поручить также заботу о порядке и спокойствии на местах.

Не успели еще представители волостей раз'ехаться по домам, как, по ходатайству Лифляндского губернатора и помещного немецкого дворянства, Лифляндия была объявлена на военном положении. Вслед за этим, выведенное из терпения постоянными истязаниями и убийствами, совершаемыми безнаказанно под руководством полицейских добровольцев из помещного дворянства и их ставленников, население изгнало последних, а замки, из которых под их руководством совершали свои дикие набеги казацкие и драгунские полицейские отряды, были уничтожены. Старые власти оказались не в силах удовлетворить назревшим нуждам населения. Старые волостные учреждения добровольно сложили с себя полномочия, и усилиями вновь избранных временных комиссий мир и спокойствие были скоро восстановлены. Одновременно прекратились нападения как на само население, так и на их имущество. Между прочим, распорядительные комиссии приняли самые энергичные меры для охраны покинутых дворянами имений, с каковой целью были составлены самые подробные описи оставшемуся после них имуществу, и ответственность за целостность его была возложена на все население.

И вот, уже после водворения порядка и спокойствия, в середине декабря 1905 г. в крае начали свои действия карательные

¹ Из «Материалов во время второй сессии Государственной думы, 1907 г.» стр. 317 — 333.

отряды; при этом репрессии часто с особенной силой обрушивались на бывших членов временных распорядительных комиссий, содействовавших больше всех успокоению взволнованного населения. В своих действиях карательные отряды руководствовались указаниями сопровождавших их в качестве добровольцев «средних» лиц из местных баронов, а там, где последних не было, заранее составленными проскрипционными списками. Сжигались усадьбы и имущество не только разыскиваемых лиц, но и их приближенных родных и домашних. Последним часто приходилось, в случае исчезновения разыскиваемых, нести кары (вплоть до расстрела), предназначенные для скрывшихся. С особенной силой карательные отряды свирепствовали в крае в конце декабря 1905 г. и в первой четверти 1906 г. При этом действие карательных отрядов не ограничивалось одной латышской частью Прибалтийского края, но распространялось на весь край и даже на часть Витебской губернии.

При поджогах явившиеся карательные отряды сначала удаляли из усадьбы всех обитателей, потом с помощью соломы или керосина усадьба поджигалась, и только уже после того, как все объято пламенем, отряд удалялся. Выносить что-либо из предназначенного к сожжению здания или усадьбы обыкновенно строго воспрещалось, а поэтому вместе с строениями сгорало все находившееся в них имущество, исключая разве того, которое отряд перед тем успевал расхищать. Вследствие этого вместе с имуществом усадебладельцев сгорало имущество его батраков и прислуги.

Не позволялось также и тушить пожара; и если где-либо все же после отряда удавалось его потушить, то отряд являлся вторично доканчивать начатое.

Указываемые начальниками поводы таких диких поступков были различны: за участие владельца в распорядительных комиссиях, за участие или прикосновенность будто бы в революционном движении, за произнесение будто бы речей на митингах, за прикосновенность будто бы к революционному движению родственников, за отказ исполнять незаконные приказания и требования карательного отряда, а чаще всего без указания причин. Иногда карательный отряд назначал владельцу усадьбы известный срок, в течение которого он должен был исполнить требование отряда, например, о доставлении своих скрывшихся детей отряду для расстрела, с предупреждением, что в случае неисполнения этого требования усадьба его будет сожжена. И подобные угрозы приводились в исполнение. Сжигались усадьбы также за невозможность владельца заплатить в срок возложенной на него контрибуции и т. д. Словом, официальные причины поджогов и погромов были самые разнообразные.

Помимо сжигания и разгрома усадеб и имущества местного, крестьянского и рабочего населения, карательные отряды без всякого суда и следствия истязали и расстреливали то в одиночку,

то целыми группами ни в чем неповинных людей. Причины таких истязаний и расстрелов остались по большей части невыясненными, так как даже самим жертвам начальники отрядов не всегда находили нужным сообщать их.

* * *

Так, в Рижском уезде, в Штокмангофской волости, 27 декабря 1905 г. отрядом драгун в 12 ч. дня арестован на работе рабочий Павел Берзин и через 4 часа без всякого суда и следствия и без всякого к тому повода недалеко от волостного правления на сосне повешен «для устрашения других», как заявил начальник отряда. Тогда же и там же без суда и следствия карательным отрядом расстрелян И. Радзинь, 8 же января 1906 г. без суда и следствия расстреляны еще крестьяне Скудрись и Лапинь, 17 января учитель Берзинь, а в феврале студент Земур и другие. Причина расстрела неизвестна. В этой же волости сожжены карательным отрядом без всякого к тому повода один дом и четыре крестьянских усадьбы «Краукли», «Дактер», «Каркли» и усадьба «Янковска». Кроме того масса лиц подвергнута истязаниям розгами и нагайками.

В Кокенгузенской волости карательным отрядом без всякого суда и следствия и без всякого к тому повода расстреляны: в январе 1906 г. учитель Озолин за то, что при нем нашли рабочий календарь и несколько карикатур. До расстрела Озолин страшно избит — выбиты зубы, изувчено лицо, и все тело от полученных побоев было покрыто синяками. Карательным отрядом руководил флотский лейтенант Рыжев: кроме того, расстреляны мальчик Граудинь, усадебовладелец Узинь за то, что дал ночлег скрывающемуся от карательных экспедиций, члену распорядительной комиссии Кродеру, старик крестьянин Бирзиек за то, что не нашли его сына, железнодорожный сторож Уликов, крестьянин Талле, крестьянин Поп, крестьянин Зедс, явившийся сам к начальнику карательного отряда, узнав, что его разыскивают, крестьянин Скудрис, крестьянин Степанов, крестьянин Лепинь, рабочие Мирушкис, Тимрод и др., всего 40 человек; 9 февраля того же года усадебовладельцы крестьянин Межетс и Клявинь, портной Крафт и один рабочий, а в апреле лесной сторож Шмидрис с сыном.

В Ремерсгофской волости без всякого суда и следствия и без всякого к тому повода карательным отрядом под начальством штабс-капитана Барышевского, расстреляны: 24 января 1906 г. трое, в том числе приказчик Скуя; сожжены со всем инвентарем усадьбы: 1) «Апсен», принадлежащая 70-летнему больному старику Мартыну Дексне, и 2) «Огленок», принадлежащая купцу Баллоду. Усадьба «Апсен», стоимостью в 20.000 р., сожжена за то, что после смерти старика Дексне ее наследовал бы сын, проживавший легально в городе Риге; Баллод же никогда не прилекался к суду и следствию, и в усадьбе его, стоимостью в 10.000 рублей, хозяйничал его арендатор. Какими соображениями руко-

водились при сожжении его усадьбы — неизвестно. Кроме того, 5 января, высланными специально для этой цели из г. Риги саперами взорван, неизвестно по каким соображениям, принадлежащий стрелочнику К. Зилиту дом (стоимостью в 7.000 р.), арендуемый Ашераденским обществом пения. Сам Зилит ни в чем замешан не был, в доме его никто не проживал, а в последнее время драгуны держали в нем своих лошадей.

Таким же образом взорван дом Иорга Зарина, стоимостью в 4.000 р. Истязанию розгами подвергнута масса лиц, в том числе портной Лицит, получивший 170 ударов, и все обыватели усадьбы Аузин, за что — неизвестно.

В Ашераденской волости без суда и следствия и без всякого к тому повода карательным отрядом расстреляны: 15 января 1906 года крестьяне Спрингис и Буллит, а в апреле и мае еще двое; сожжено без всякого к тому повода имущество одного усадьбовладельца.

В Анневарденской волости карательным отрядом без всякого суда и следствия и без всякого к тому повода расстреляны: в феврале 1906 г. крестьянин Грикит, батрак Плауде, Силин и один исполнитель; в январе же — крестьяне Плауцис и Витол; сожжены в январе усадьба Греги, а в феврале церковная корчма, лавка, общественный дом и хлев.

В Рингдмундсгофской волости карательным отрядом без всякого суда и следствия и без всякого к тому повода расстреляны: в феврале 1906 г. усадьбовладелец Кальнин, крестьяне Альберт, Спангар, владелец усадьбы Пукис, старик Крастин за то, что не мог указать местонахождение своего сына, усадьба его сожжена. Таким же точно образом потом (в феврале) еще расстреляны крестьяне Эннинь, Вецайт, Квинт, Граудин, Цалит и друг., всего 13 человек. Отец убитого Граудиня был наказан плетью за то, что сыновья его были избраны членами распорядительной комиссии. За то же самое сожжена его усадьба, а равно и усадьба Левдонского — «Кампари», сын которого скрылся. Сожжен также общественный дом.

В Икскюльской волости карательным отрядом без суда и следствия и без всякого к тому повода расстреляны 19 января 1906 г. трое крестьян, в том числе Дартау, 7 февраля крестьяне Ругайс, Лейман и Озол, а 12 февраля Дартау второй и два брата Тирман Даленской волости. В январе сожжена усадьба Брезе-Тамас, 10 февраля подвергнуто истязанию розгами несколько человек и по распоряжению начальника карательного отряда конфисковано все движимое имущество владельца усадьбы «Чоче» Каулина.

В Даленской волости карательным отрядом под начальством подполковника Орехова без всякого суда и следствия и без всякого к тому повода расстреляны: 17 января 1906 г. Мартин Цинит и сын его Ян Цинит, а усадьба их (жилой дом, хлев, амбар и сарай) сожжена. Точно также подвергнут расстрелу крестьянин Мартин

Корт, тело которого было выдано потом родным для погребения, но оказалось, что он только подстрелен, и его удалось вылечить. Через 1½ месяца после попытки первого расстрела он был вновь арестован и, за неимением улик, выслан административным порядком в Сибирь. Кроме усадьбы Цинита, сожжены еще усадьбы Лейман, Вейсбрандт, Маз-Бетин и несколько лиц подвергнуто истязанию розгами.

В Адажской волости карательным отрядом без суда и следствия и без всякого к тому повода расстреляны: 14 января 1906 г. 11 человек, 17 января батрак Фишберг, Т. Лидис и учитель Блумберг, а в феврале еще двое крестьян. Сожжено имущество местного учителя. Истязанию розгами от 50 до 200 ударов подвергнуто 19 января 1906 г. 12 человек, в том числе старик — учитель Дрейман.

В Сунцельской волости карательным отрядом без суда и следствия и без всякого к тому повода расстреляны: 17 января 4 человека, а 18 января 6 человек, в том числе исполнитель Карл Вильде, батрак Плуме, крестьянин Лук, сторож Крастин, Вирснит, Петерсон и др. Истязанию розгами 18 января подвергнуто 21 лицо, в том числе две женщины, кр. Стаугул и местный мельник.

В Тинужской волости карательным отрядом без суда и следствия и без всякого к тому повода расстреляны: 5 марта кузнец Рудзит, 19 марта на ст. Огер Цируль, Паэгле и один батрак, 20 марта К. Плоринь из Икскюля.

В Катлекалнской волости карательным отрядом без суда и следствия и без всякого к тому повода расстреляны: в январе 1906 г. кр. Бетинь и 19 января Андрей Озолин, Яков Трейман и Яков Преде (опасно ранен), и сожжены усадьбы Преде и Гегель.

В Гинценбергской волости карательным отрядом без суда и следствия и без всякого к тому повода расстреляны: в январе 1906 г. 11 человек, истязанию розгами подвергнуто 15 человек, в том числе две девушки.

В Адеркаской волости карательным отрядом под ближайшим руководством почетного добровольного полицейского, барона фон-Кавера, без суда и следствия и без всякого к тому повода расстреляны 2 февраля 1906 г. крестьяне: Калпин и 70-летний старик Шалинь, перед расстрелом оба истязаны; сожжены две усадьбы: «Симан» и «Яун-Сеймужас», а в третьей усадьбе «Кальви» сожжен весь инвентарь, при чем часть домашнего скота экспроприрована отрядом. Истязаниям розгами подвергнуто 5 чел.: Руд Ужан, Андрей Лепинь, Аболкали, Андрей Элекс и Карл Пугнин.

В Платержской волости карательным отрядом под руководством барона фон-Кавера без суда и следствия и без всякого к тому повода сожжены усадьбы «Чакар», «Огрес-Кали» и «Чаулас». В усадьбе Чакар сожжена в первый раз лишь одна пристройка, а вторично вся усадьба со всем инвентарем, стоимостью в 10.000 рублей.

В Альтенвогской волости карательным отрядом без суда и следствия и без всякого к тому повода расстрелян 10 января 1906 г. один человек.

В Беверсгофской волости карательным отрядом без суда и следствия и без всякого к тому повода расстреляны 12 января один, а 14 января еще один и сожжено имущество одного крестьянина. Подвергнуто истязаниям 7 апреля того же года несколько лиц, в том числе Андрей Перкон; от него поручик фон-Сиверс требовал оговора других, а когда этого не добился, велел солдатам привязать его к скамейке и истязать до тех пор, пока он не лишился чувств.

В Кроппенгофской волости карательным отрядом под командой лейтенанта Рыжева без суда и следствия и без всякого к тому повода расстрелян рабочий Стралин, сожжена усадьба «Лупатас», а в двух других усадьбах 18 февраля сожжены по две постройки, при чем в усадьбе Аулаки у ее владельца Иостсона похищены деньги и разные вещи, а сам он жестоко избит.

В Сиссегальском приходе карательным отрядом под руководством барона Кавера без суда и следствия и без всякого к тому повода расстреляны 7 человек, в том числе Ян Лепинь и Бичевский. 24 апреля расстрелян владелец усадьбы «Плентес» и Мартин Клявин. 18 апреля убит батрак Энин, подвергнутый непосредственно перед расстрелом зверским истязаниям — ему нанесено более 100 ударов нагайками. В январе же сожжены 4 усадьбы, в том числе усадьба Озолина «Цирцен», а в марте дом Янсона. Подвергнуто истязанию розгами несколько десятков лиц, в том числе владелец усадьбы «Личи» — Клявин, его жена и батрак — все трое седые старики; одному из них 90 лет.

В Кейпенской волости без суда и следствия и без всякого к тому повода, по приказанию барона фон-Кавера, 13 января 1906 г. расстреляно двое мызных рабочих (из личной мести).

В Кастранской волости, под руководством барона фон-Кавера и начальством карательного отряда ротмистра Маслова, без суда и следствия и без всякого к тому повода расстрелян в январе 1906 г. усадьбовладелец Мартинсон; непосредственно перед расстрелом он был подвергнут истязанию. Сожжена 12 того же января усадьба «Наглас», а владелец ее Ян Гринберг подвергнут истязанию за недозволенную охоту в лесах имения.

В Юргенбургской волости под руководством начальников карательных отрядов ротмистра Назимова и Споре и по указанию управляющего имением фон-Зингбуша без суда и следствия и без всякого к тому повода расстреляны 14 января 1906 г. Василь и Калнин, а 7 февраля 1906 г. Ян Балод и Николай Саркан, члены Адеркасской волости, и столяр Лепин из имения Берзен. Сожжены того же января 12 дня усадьба Апалупа; сожжено также имущество учителя Канепа, а у его отца экспропрированы лошадь и корова. Подвергнуто экзекуции 41 чел., в том числе Саркан, Рауда, Лепинь и Кристина Ансон.

В Олайской волости без суда и следствия и без всякого к тому повода карательным отрядом расстреляны: в январе 1906 г. кр. Озольбанд и в феврале того же года кр. Озис, кр. Энгланд и кр. Озол.

В Шлокской волости без суда и следствия и без всякого к тому повода карательным отрядом расстреляны: 27 декабря 1905 г. кр. Закис, кр. Рейнгольд и кр. Андерсер; сожжена усадьба Сея (в Кенгерге).

В Старо-Мюльграбене, под руководством начальника карательной экспедиции генерала Орлова, без всякого к тому повода разгромлено и сожжено 21 января 1906 г. здание общества «Северная Заря», стоимостью в 60.000 рублей; без суда и следствия и без всякого к тому повода расстреляно 4 рабочих и подвергнуто экзекуции 3 рабочих лесопильного завода Домбровского. Тогда же сожжено в Риге без всякого к тому повода здание общества трезвости «Заря», а 29 января разгромлено здание общества «Надежда».

В Куртенгофской волости без суда и следствия и без всякого к тому повода карательным отрядом расстреляно: 22 января 1906 г. двое крестьян, 24 же января четверо крестьян, а в феврале кр. Валдман, кр. Ванадзинь и кр. Янсон за распространение будто бы прокламаций. Сожжены в январе 1906 г. три усадьбы.

В Роденпойской волости без суда и следствия и без всякого к тому повода карательным отрядом расстреляны: 16 января 1906 г. пять крестьян, а 20 того же января еще двое, тогда же подвергнуто экзекуции 17 чел., в том числе Е. Капман получил 65 ударов за то, что подписал протокол, составленный следователем и прокурором 13 ноября 1905 г. по поводу расстрела драгунами в Роденпойском волостном доме, под руководством местного лесничего Фрейдорфа, мирного собрания, при чем было убито 4, а ранено 16 крестьян. Потом Капман за то же самое был сослан в Олонецкую губ., где находится и поныне. Сожжена усадьба Петра Озола, имущество разграблено.

В Лембургской волости без суда и следствия и без всякого к тому повода карательным отрядом расстреляны: 2 января 1905 г. кр. Розит, кр. Равнек, кр. Платуп, кр. Крастынь и кр. Вельнер; подвергнуто экзекуции 24 человека; сожжена усадьба Кристины Залит за то, что не нашли дома ее сына. Имущество экспроприровано.

В Скультенской волости 9 января 1906 г., по распоряжению начальника карательного отряда Бибикова, было созвано общее волостное собрание. Собравшиеся были допрошены, при чем Бибиков о каждом допрашиваемом совещался с управляющим имением Гельдом, находившимся в смежной комнате; по указанию Гельда, было арестовано 17 человек, из которых некоторые на другой день были освобождены. 18-летние Урдзит и Озолин получили по 150 ударов розгами, доставленными помощником управляющего Асаром. После этого пять из арестованных: кр. Антонс, кр. Ян Грантскальнин, кр. Крузенберг, кр. Ян Эхглит и кр. Абол были

отведены в близлежащую рощу, привязаны к деревьям и без суда и следствия и без всякого к тому повода расстреляны. Из расстрелянных Ян Грантскалнис был членом распорядительной комиссии, за другими же не числилось и такого «преступления». Из других арестованных кр. Ян Вернель, кр. Ян Рудзит, кр. Предит, кр. Юр Мизон и кр. Карл Круминь подвергнуты истязанию нагайками (по 150 ударов каждому). Когда истязуемые лишились сознания, их все еще продолжали бить. Помощник писаря Аауэнберг получил 200 ударов нагайками. Многие избавились от истязания только благодаря поднесенным Гельду взяткам. Карательная экспедиция экспроприовала имущество у Микеля Антона, Юра Мизона, Корда Иордана и Карлины Янсон и сожгла все имущество учителя Юргена и уцелевшее имущество у Иордана и Карлины Янсон (Гельд должен был Корду и Янсону несколько сот рублей и за несколько дней до разгрома потерпевшие потребовали от него уплаты). Экспропрированное имущество солдаты продавали потом открыто за бесценок как в самом имении, так и в других местах.

В Зегевольдской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом расстреляны: 14 января 1907 г. кр. Пален, кр. Десайн, кр. Цирпон; в феврале того же года сожжены усадьба «Погин» со всем движимым имуществом и «Зутис», где все движимое имущество экспроприровано. Подвергнуты истязанию: кр. Крастынь (50 ударов), кр. Петер (25 ударов), кр. Крейфус, кр. Церс, кр. Берзинь, некоторые женщины подвергнуты изнасилованию (фамилии нам известны).

В Алажскую волость в усадьбу «Стикен» 13 января 1906 г. явился карательный отряд во главе с ротмистром Споре и фон-Рюммеля и приказал владельцу ее М. Менгюлю доставить его сына Карла Людвига не позже 14 же января карательной экспедиции в 20 верстах от отца. Отец поехал к нему и уговорил поехать вместе с ним в имение. Дабы спасти усадьбу отца от сожжения, Карл Людвиг Менгель, несмотря на предостережения, согласился поехать с отцом. В тот же день он без суда и следствия и неизвестно по каким соображениям был расстрелян. Замешан в чем-либо он не был. Причину расстрела отцу не удалось узнать. Отец поехал домой один. Усадьба была спасена. Но сына не стало.

В Лакшенской волости без всякого суда и следствия и без всякого к тому повода карательным отрядом в январе 1906 г. расстрелян один батрак.

В Кеченской волости без всякого к тому повода карательным отрядом сожжена усадьба «Брендес», стоимостью около 12.000 р.

В Моренской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом в феврале 1906 г. подвергнуто истязанию пять человек и сожжена усадьба «Шкейстен».

В Пулкарнской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом 8 февраля 1906 г. расстреляны братья Тикум.

В Сеенской волости без суда и следствия и без всякого к тому повода карательным отрядом расстреляны в январе 1906 г. усадьбо-владелец Тимерман и учитель Лапа.

В Ледургской волости без суда и следствия и без всякого к тому повода карательным отрядом расстреляны 14 января 1906 г. крестьяне Зоммер, Гайллит и старик Исак; непосредственно перед расстрелом они подвергнуты жестоким истязаниям.

В Венденском уезде.

В Шуенской волости без суда и следствия и без всякого к тому повода карательным отрядом расстреляно в январе 1906 г. 6 человек. 10 того же января сожжена усадьба Айджа Авена «Танули». Явившийся вечером карательный отряд арестовал самого Авена и сжег жилой дом со всем имуществом, при этом забрали одну лошадь, две коровы и 80 р. наличными деньгами. Уже после сожжения дома Авен был допрошен, и начальник отряда объявил ему следующее: «Ты признан невиновным, и вследствие этого твое наказание смягчается: ты получишь 150 ударов нагайками». Этот приговор тут же при свидетелях был приведен в исполнение.

В Саусенской волости без суда и следствия и без всякого к тому повода карательным отрядом под руководством добровольца-полицейского барона фон-Брюммера расстреляны: 19 января 1906 г. лесной сторож П. Дамбит, пономарь Барзкалнс, сапожник Берзкалнс, кроме того, расстреляны К. Лийцит, П. Берзинь и другие, всего восемь человек местных крестьян. Все перед расстрелом зверски истязаны, трупы Лийцита и Берзиня брошены в Двину. Сожжено имущество и дом волостного писаря И. Пурина.

В Фетельн-Одзенской волости без суда и следствия и без всякого к тому повода карательным отрядом под руководством барона фон-Радена и добровольца-полицейского барона фон-Брюммера расстреляны: 7 января 1906 г. кр.-не В. Кригал, Я. Яунакайс, Я. Эркардт, Я. Иван, Х. Доннер, Я. Brentис и А. Кригал. Все перед расстрелом подвергнуты зверским истязаниям, при чем перед расстрелом подвергнуты зверским истязаниям, при чем Иван сошел с ума. Трупы Бренциса и А. Кригласа брошены в Двину. 31 того же января расстреляны братья Рудзит, два Кляшния, Озолин и др., всего семь человек местных крестьян. Сожжены крестьянские усадьбы: 30 декабря 1905 г. «Вагули», стоимостью в 3.000 р., 20 января 1906 г. «Лельпарли», стоимостью 800 р., два строения фабрики Грава и движимое имущество крестьянина Бекера. Поджоги сопровождалась экспроприацией разных ценных вещей. Масса лиц подвергнуто истязаниям.

В Кальценаусской волости без суда и следствия и без всякого к тому повода карательным отрядом под руководством барона фон-Брюммера расстреляны: в январе 1906 г. крестьяне — Трауцинь, Цалит, Берхланд; все трое перед расстрелом были подвергнуты зверским истязаниям, при чем у Трауциня нагайкой выбит

экспроприровано, а в усадьбе «Качкар» сожжены жилой дом и овин.

В Севвегенской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом, под руководством графа Граббе, ротмистра Назимова и фон-Ренгартена, расстреляны: с 4 по 13 февраля 1906 г. управляющий Симпсон, кучер Карлов, Курмис, Зилан, Петр Яупозол, Отто Меднис, Саулит, Андерсон (из Ремерсгофа), Брод, Мейранский, волостной писарь Лус, братья Крамаровские и другие, всего 20 человек местных крестьян. Перед расстрелом все были подвергнуты зверским истязаниям. Сожжены: усадьба «Чонкас» Рудзита, стоимостью в 3.000 руб., колониальная торговля Какса, стоимостью в 8.500 руб., усадьба Яна Синука, причем движимое имущество его экспроприровано, а он сам расстрелян 7 февраля того же года. Подвергнуто истязаниям 70 человек местных крестьян, в том числе и женщины. Нанесено по 250 ударов нагайками.

В Лоздонской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом под руководством добровольца-полицейского барона фон-Бульмеринга расстреляны учителя Сермонт и Мезит. Мезит расстрелян 29 января 1906 г.; явившиеся драгуны (12 драгунского Мариупольского полка, под руководством младшего помощника Венденского уездного начальника по 3 участку) сначала подвергли его с сестрой избиениям и экспроприовали в доме все ценные вещи, похитили деньги, часы, кольца, белье, все съедобное и вообще все, что только можно было взять, не останавливаясь даже перед жалкими пожитками служанки, были стащены с ног галоши, сапоги и носки. Мезит после расстрела признан невиновным. В январе сожжена усадьба одного крестьянина.

В Лаудон-Одзенской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом под руководством барона фон-Бульмеринга расстреляно 27 декабря 1905 г. три учителя — Ангер, Гайлит и Федор Ревелин и дворохозяин Рудольф Бебрис. После расстрела Ф. Равелину вынесен приговор, согласно которому он, вместо смертной казни, присуждается к 3 месячному аресту. Гайлит же оказался только подстреленным и, брошенный карательным отрядом, он, изувеченный и раненый в шею и грудь, спасся. Сожжено от 27 декабря 1905 г. по 6 января 1906 г. по распоряжению фон-Бульмеринга 4 усадьбы и имущество расстрелянных учителей, при чем более ценные вещи были экспроприованы.

В Лубанской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом в апреле 1906 г. расстрелян крестьянин Секс. Сожжена в марте месяце одна усадьба. Истязаниям подвергнут местный учитель.

В Зельзауской волости, без всякого к тому повода, карательным отрядом под руководством графа Граббе сожжены: усадьба «Ляйдес», при чем ограблены братья Крамаровские (расстрелян-

ные в Севвегене) и усадьба «Козулы». 2 января 1906 г. был истязан и ограблен крестьянин Андрей Буров. Явившийся в его усадьбу отряд потребовал указания местонахождения его родственника Лулика. Так как Буров этого требования графа Граббе не мог исполнить, то имущество его было экспроприровано, сам он был отведен на ст. Зельзау, где ему по приказанию графа отчитали 50 ударов нагайками, после чего освободили.

В Страупенской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом расстреляны: 14 января 1906 г. крестьянин Мор (вызванному отцу Мора ротмистр Крупенский заявил, что он, Крупенский, не виноват в смерти его сына); Блаатт — за то, что отказался нести натуральные повинности в имении Руллис по неизвестной причине. Мор впоследствии приговорен к аресту на один месяц. Сожжены 12 января 1906 г. усадьба и все имущество крестьянина Жидова, стоимостью в 2.643 руб., сам он подвергнут истязанию (50 ударов нагайкой) за то, что летом 1905 г. застрелил в своей усадьбе бешеную собаку местного лесничего Бирнбайма. Сожжено также имущество братьев Мартинсон, и сами они подвергнуты истязанию за то, что летом 1905 г. собравшиеся в его усадьбе арендаторы местного помещика барона фон-Розена толковали о необходимости понижения арендной платы. Кроме них, истязанию еще подвергнуты: Упгал, Петр Озолин, Ян Озолин, Ян Берзинь. Петр Озолин за то, что на собранном местным пастором собрании осмелился противоречить пастору. Расстрелы и экзекуции совершались по заранее уже составленному проскрипционному списку.

В Паткульской волости, без всякого к тому повода, карательным отрядом под руководством фон-Ренгартена и ротмистра Назимова сожжен 8 февраля 1906 г. в усадьбе «Маз-Виймани» сарай с сеном, стоимостью в 290 руб., у Виктора Силина сожжено имущество, а брат его, ошибочно принятый за Виктора, подвергнут истязанию.

В Крауклинской волости, без всякого к тому повода, карательным отрядом сожжено в январе 1906 г. имущество волостного писаря и усадьба «Легер-Долачи».

В Байжкалнской волости, без всякого к тому повода, карательным отрядом сожжена местная колониальная лавка.

В Модоне, без всякого к тому повода, карательным отрядом сожжена усадьба «Юруши». Человек 20 подвергнуто истязанию.

В Сайковской волости, без всякого к тому повода, карательным отрядом в январе 1906 г. сожжены усадьба «Яун Зелтыны», «Чаки» и лавка. 12 февраля того же года подвергнуты истязанию члены распорядительной комиссии. В Арайжской волости, подвергнуто порке человек 90, в Гатардской — человек 10. Члены распорядительных комиссий подвергнуты истязанию: в Брантенской, Прауленской и Мейранской волостях. В Брантенской волости и члены суда, между прочим, была избрана одна женщина. Причитающиеся ей удары были отданы ее мужу.

В г. Вендене, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом под руководством генерала Орлова расстрелян 20 января 1906 г. книготорговец Ян Озол, кр. Старо-Пебальгской волости (его книжные магазины в Мариенбурге и Старо-Пебальге сожжены); 25 того же января расстреляны двое, в том числе Петр Фомич Петерсон. Озол впоследствии был приговорен к трехмесячному аресту.

В Латышской части Витебской губ. (Инфлантин).

В Боловске, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом расстрелян 24 декабря 1905 г. Пагруд; в Глазманке—8 января 1906 г. И. Битте, два Аузиня, Зарин и Лене. В Боркове, без всякого к тому повода, карательным отрядом сожжена 2 февраля 1906 г. усадьба кузнеца со всем имуществом; в Виленах в феврале—три двора. В Ливенгофе, Двинского уезда, 16 декабря 1905 г. дом и движимое имущество Андрея Мазера, стоимостью в 1.000 руб. Отрядом руководил офицер Данилов и пристав 4 стана Григорий Дубаль. Жителей Ливенгофа, которые прибежали к пылающему дому и хотели что-нибудь спасти, начальник отряда приказал избить нагайками. Истязаниям подвергнута масса лиц.

В Вольмарском уезде.

В г. Вольмаре, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом расстреляны: 28 декабря 1905 г. 3 человека, а 8 января 1906 г. несовершеннолетние: Рудольф Анфельд и Петр Дийка. Перед расстрелом оба были подвергнуты истязаниям; 12 того же января — кр. Ян Менц.

В Залибургской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом под руководством полковника Энгальчева и фон-Врангеля расстреляны: 22 декабря 1905 г. восемь человек и повешено двое, а 9 января 1906 г. расстреляны ученики В. Вирсис, Бар, Бурит, Витоль и Вильде—все местные крестьяне. Сожжено 22 декабря 1906 г.: все имущество приходского учителя Цукура, купца Лельбарда и трех крестьян; в Старо-Салацкой волости 5 января 1906 г.—одна мельница, жилой дом, лютеранское училище; 9 того же января усадьба Лодкина; в Старо-Салаце 5 января—две лавки—Иеремя и Пруса, усадьбы: «Марка», «Яунзем» и «Пунце». В усадьбе «Пунце» была при этом разграблена часть имущества. 14 марта отряд явился вторично в усадьбу в сопровождении комиссара Ильинского и экспроприировал 18 коров, 2 лошадей, 3 свиней, 7 овец, 38 мер хлеба и 6 пудов льняного семени.

В г. Лемзеле, без суда и следствия и без всякого к тому повода, под руководством полковника Энгальчева и по его указанию фон-Фитингофа и других, расстрелян в январе 1906 г. учитель Бахман. Бахман впоследствии приговорен к 3 месячному аресту. Сожжены 24 декабря 1905 г. две кр. усадьбы и, кроме того, имущество

Кирхенштейна и других лиц. Имущество Кирхенштейна было вынесено на рыночную площадь и в присутствии комиссара Ильинского, под звуки гимна «Боже, царя храни», торжественно сожжено. Усадьба Пена, со всем имуществом, стоимостью в 17.000 р., сожжена только за то, что сыновья владельца Лейназара, арестованные 19 декабря 1905 г., будто бы принимали участие в революционном движении.

В Катваренской волости, без всякого к тому повода, карательным отрядом, под руководством ротмистра фон-Врангеля, 31 декабря 1905 г., сожжено имущество учителя Сетинсона и его служанки Анны Розенталь. Сетинсон в это время находился в г. Вендене и, когда он вернулся и явился к начальнику карательной экспедиции, князю Энгальчеву, последний ему объявил, что он ни в чем не обвиняется и вернул ему экспроприированные отрядом при сожжении имущества, две коровы.

В Гайнажской волости, под начальством князя Энгальчева, 4 января 1906 г., явилась карательная экспедиция и остановилась в морском училище. Было немедленно созвано общее волостное собрание всех членов волости. Явившиеся поодиночке пропускались через ворота, у которых стоял сам Энгальчев с одним офицером. У начальника был в руках проскрипционный список; всех занесенных в него он задержал. В числе арестованных находился и сын местного учителя Раудзепа. На указание учителя Раудзепа, что это его сын Макс, Энгальчев ответил, что ему нужен не Макс, а Юрий Раудзеп, и освободил арестованного. Затем был вызван местный православный священник, и у него осведомились о некоторых арестованных. Фамилии арестованных псаломщика Ларедя и жены местного аптекаря Пелекзирна были вычеркнуты из списка после того, как священник сообщил, что население хотело Ларедя на одном собрании посадить в мешок, а г-жа Палекирн попала в распорядительную комиссию по недоразумению и давно уже от этой должности отказалась. Относительно арестованного Гиреде Раудзеп и священник удостоверил, что его заставили принять на одну ночь на хранение оружие. Энгальчев на это заметил: «это достаточно». Когда священник попытался защищать аптекаря Пелекзирна, Энгальчев рассердился: «я знаю лучше вас, Пелекзирн оказал врачебную помощь социалисту», и немедленно дал приказ разгромить аптеку. Относительно 4 крестьян, арендаторов местного барона, ничего не было спрашиваемо. По распоряжению князя 9 человек были привязаны к деревьям и без суда и следствия расстреляны. В том числе, вместо одного Юргенса, расстрелян другой, его однофамилец, а вместо отца — расстрелян его сын. Имена расстрелянных: Циммерман (17 лет), Преде, Аунин, Гравис, Пулик, М. Лайвин, Ф. Абол, М. Юргенс и аптекарь Пелекзирн; тогда же подвергнуто истязанию 8 человек. Сожжены: лютеранское и православное училища, усадьба «Кайши» и мельница. Жена мельника Гравелсон с 9 детьми оставлена без приюта, при чем населению было запрещено оказывать ей какую-либо помощь.

Усадьба «Кайши» сожжена потому, что владелец усадьбы крестьянин Таубе не мог указать местонахождения своего брата, будто бы принимавшего участие в революционном движении.

В Пюркельской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом расстрелян 6 января 1906 г. усадьбовладелец Т. Смильга; истязаниям подвергнуто 13 человек местных крестьян.

В Ново-Салацкой волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом расстреляны 3 февраля 1906 г. Б. Дышлер и еще один крестьянин.

В Вайнышской волости, без всякого к тому повода, карательным отрядом сожжено 27 декабря 1905 г. имущество учителя Тэнтеля; в Альтгофской волости — усадьба «Аушили», в Стенгофской — усадьба «Нельки»; истязаниям подвергнуто в Буртнекской волости 5 января 1906 г. пять человек, в Дунтенской — учитель Шталь, в Браслауской — 23 февраля того же года 6 человек (от 30 до 200 ударов), в Ранценской волости — члены распорядительной комиссии под руководством ротмистра Маслова.

В Валкском уезде.

В Ней-Шваненбургской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом под руководством графа Граббе, капитана Павленко и подесаула Попова, расстреляны 12 февраля, крестьяне: Гравит, Бокмелдер, Лапса, Спенер и Ян Леде. Тогда же подвергнуты истязаниям следующие лица: Гравит (150 ударов), Витол (200 ударов) и 14 членов распорядительной комиссии (по 35 ударов каждому) и Томас (50 ударов).

В Альт-Шваненбургской волости без всякого к тому повода карательным отрядом, под руководством графа Граббе, капитана Павленко и подесаула Попова и по указанию барона Манфреда фон-Вольфа, расстреляны: 31 декабря 1905 г. Андрей Аугул, в январе 1906 г. Я. Цепурит, Сурков, Варт, Паел и А. Густынь; 28 декабря 1905 г. разграблена ус. кр. Ногобода «Киши» рублей на 350. Потом еще экспропрированы 2 лошади, сани и упряжь у крестьянина Иенте. Жалобы потерпевших оставлены без последствий, так как, по заявлению главного управления казачьих войск от 23 сентября 1906 г. за № 21650, карательные отряды имели право на даровое прокормление за счет населения (реквизиционным путем). 31 декабря 1905 г. под руководством Граббе подвергнут истязанию Ян Иенте. 24 февраля, под руководством генерала Орлова, ротмистра Назимова и поручика барона фон-Коцебу, без всякого к тому повода, подвергнуто истязаниям 13 человек, в том числе кр. Ян Шкендер и Эрнст Иенте. Последнего раздели, повалили на пол, один улан сел на голову, другой на ноги и началось истязание, продолжавшееся до тех пор, пока Иенте не лишился чувств. Истязал в числе прочих собственноручно и барон Коцебу, требуя раз'яснения, почему он, Иенте, не платит арендных денег. При истязании присутствовал барон Манфред Павлович фон-Вольф.

(тот самый Вольф, которого крестьяне, несмотря на совершенное им убийство крестьян в ноябре 1905 г. безнаказанно освободили, выслал его лишь из пределов волости).

В Стомерзеской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом расстреляны в январе двое, в том числе Гравер; подвергнуты истязаниям двое (50 ударов); 7 февраля того же года сожжено: часть имущества Отто Рудзита и отрядом экспроприрована часть имущества его отца.

В Мариенбургской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом под руководством ротмистра Назимова расстреляны: 18 декабря 1905 г. крестьянин Балод, 2 января 1906 г. — Зингис и в марте того же года — три человека, а 26 апреля Отто Цирул и Ванга. Сожжено: 1 декабря 1905 г. — 4 дома, а в марте имущество 3 учителей. Подвергнуты истязаниям 24 февраля 1906 г.: (Эрнст Карклин у него экспроприровано имущество на 255 руб.), в марте два учителя, 14 апреля — две девушки (25 и 50 ударов), 3 учителя и другие, всего 235 человек. Эдуард Берзинь сильно избит и искалечен за то, что подавал помощь высеченным карательным отрядом. Еще сожжена усадьба крестьянина Юриса Вимба за то, что не мог в течение двух часов представить карательному отряду своего сына для расстрела, без суда и следствия дочь его Эмилия два раза высечена (первый раз 75 ударов, сколько второй раз не помнит). Том Янов Варн пропал без вести после того, как его арестовал генерал Орлов.

В Аделенской волости, подвергнут истязаниям в январе 1906 г. владелец усадьбы «Пяури» Карл Лепа. Когда казаки, по приказанию офицера, нанесли ему 125 ударов нагайками, то урядник Дзильна приказал нанести еще 50 ударов. Дзильна во время истязания приговаривал: «пойдешь ты еще к мельнику Пойше и скажешь, чтобы он дешевле молот»; у владельца усадьбы «Абели» Лаца экспроприовал лучшего коня с упряжью и в феврале того же года в Мариенбурге с аукциона продал вместе с множеством другого экспроприованного у крестьян имущества. Сосед Лаца купил коня за 65 руб. и вернул его собственнику.

В Ерценской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом расстрелян 23 декабря 1905 г. крестьянин Правус, и сожжена его усадьба «Стален».

В Тирзенской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом, под руководством есаула графа Граббе и при личном участии урядника Дзильне, расстреляны в январе 1906 г. 11 местных крестьян, в том числе Петр Витолин отец и сын Питруки, Вевербрандт, собственник усадьбы Пинке. Подвергнуто истязаниям 23 человека.

В Лейской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом под руководством ротмистра Назимова расстреляно 7 января 1906 г. 6 человек, в Вицемской волости — 4 человека; в Лаунемере карательным отрядом под начальством барона Корфа расстреляны 3 человека, в том числе учи-

тель Редзех и волостной писарь Эйхенбаум; в Аумейстерской волости — один крестьянин Клявин. Сожжены в Лейской волости 27 декабря 1905 г. усадьба Фрица Бурка, лавка Рома и экспроприрована лошадь. В Лейском приходе подвергнуто истязаниям 40 человек местных крестьян, в том числе Фриц Бурка. Последний после сожжения Орловым усадьбы, сам добровольно явился в полицию и по постановлению генерал-губернатора он был, в качестве председателя распорядительной комиссии, подвергнут месячному аресту. 11 октября 1906 г. он был начальником карательного отряда Матвеевым, подвергнут за то же самое истязаниям и получил 100 ударов плетью, теперь он опять за то же самое привлекается к ответственности судебным следователем.

В Адзельской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом расстрелян 31 декабря 1906 г. один усадьбовладелец; в Дуренской волости в январе 1906 г. — крестьяне Петерсон и Густин, тогда же сожжена и усадьба последнего и отчасти экспроприровано, отчасти сожжено имущество 4 других крестьян.

В Смильтенской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом расстреляны: в феврале 1906 г. двое крестьян и 13 апреля усадьбовладелец Палкавек и в феврале подвергнуты истязаниям 17 человек.

В Латунской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом расстреляны в январе 1906 г. кр. Бруман; в Белянкой волости в январе — 8 человек; в Лизумской волости — 5 и 6 января того же года — 3 человека: Яков Церин, Рудгалв и Озолин; тогда же сожжена одна усадьба «Вевер-Калвиши» и подвергнуто истязаниям человек 15.

В г. Валке, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом расстреляны в январе 1906 г. 4 крестьянина Литтенской волости, сожжена 18 того же января одна усадьба и подвергнут истязаниям один.

В Ново-Ланцейской волости, без всякого к тому повода, карательным отрядом сожжено 2 января 1906 г. имущество Даудзе и у Генриха Данце взорвана фабрика, сожжено имущество, причем драгоценные вещи похищались. Всего убытку 18.500 руб. Подвергнут истязаниям один.

В Гольговской волости, без всякого к тому повода, карательным отрядом сожжено имущество двух учителей. Подвергнуты истязаниям (от 50 до 200 ударов): волостной старшина, волостной писарь, волостной учитель и другие, всего человек 30. Таким же истязаниям подвергнуты: в Ласбергской волости — кузнец Ирбе (150 ударов), в Зельтинской волости — 6 человек (по 100 ударов) и в Эргемской волости — 8 апреля двое.

В посаде Руене, Вольмарского уезда, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом под руководством капитана Алексева, расстрелян 2 января 1906 г. Ян Гольде, сожжено имущество 23 декабря 1905 г. у Карла Луса, Августа Дам-

бита, Якова Краузе и Яна Лукстина за то, что подали прошение, как выборные, губернатору переименовать посад Руень в заштатный город. Тогда же карательным отрядом под начальством полковника Маркова похищено у эконома сельско-хозяйственного общества Гуго Бохвехтера ящик с крепкими напитками и 25 бутылок водки, стоимостью в 150 руб.; в Синоленской волости, 30 декабря 1905 г., карательным отрядом расстрелян кр. Карл Балод без всяких объяснений и без всякого повода.

В Верроском уезде, в Витимской волости, без всякого к тому повода, карательным отрядом под руководством офицера барона Корфа сожжено имущество и ценные бумаги у кр. Каббино.

В Феллинском уезде.

В г. Феллине, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом под руководством полковника Маркова и штабс-ротмистра фон-Сиверса расстреляны 9 января 1906 г.: 40 человек по проскрипционному списку, составленному фон-Сиверсом, — Антон Пихельгас (15 лет), Петр Пихельгас (16 лет), Ян Маджон, Александр Мулликас, Яков Пундер, Мартин Майсмо, Теннис Кернер, Микель Мерри, Август Кербланс, Николай Михайлов, Яак Касс и другие. 11 того же января — тринадцать (13) человек, без всякого допроса, в том числе и курритские крестьяне: Март Палк и Густав Палк и Август Анни, якобы за мелкие кражи. Сожжен один дом, разрушен один; при обысках происходили хищения ценных вещей (один улан предложил купцу Вейнбергу купить золотой браслет). Жестоким истязаниям подвергнут редактор «Сакали» Петг, художник Ян Ванакומר и множество других лиц — мужчин, женщин, стариков, малолетних детей.

В Олустверской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом под руководством фон-Сиверса расстреляны 7 января 1906 г.: учитель Александр Янсон за то, что прочитал на одном собрании постановление Юрьевского съезда, крестьяне: Вольдемар Янзен, Гинс Тэкке и Ган Кип.

В Оберпаленской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом под руководством фон-Сиверса приговорен к расстрелу учитель Кельден. Помилован. Смертная казнь заменена ужасными истязаниями: Кельдену нанесено 500 ударов нагайками, за что — неизвестно.

В имении Тарваст, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом расстреляны пять мужчин и одна женщина. Подвергнуты истязаниям 8 мужчин и одна женщина. Точно таким же образом, тем же карателем фон-Сиверсом расстреляны: в имении Суслейке четыре человека, в Теннасельской волости кр. Андрей Рейзлон, в имении Кикифара два человека и в Малочааме два человека. Карательным отрядом под руководством, главным образом, фон-Сиверса сожжено без всякого к тому повода: в Куристской волости 3 января 1906 г. имущество К. Пилика, 12 того же января — дом Густава Палка, стоимостью

в 1.000 руб.; в Лустиверской волости — все имущество и усадьба у Марии Там за то, что не нашли дома ее мужа; в Имаверской волости — усадьба Густава Сицка, сам владелец подвергнут аресту на три месяца; в Мойзекульской волости, 7 того же января — имущество Яна Сихверса, стоимостью в 2.500 руб., и купца Камдрона.

В Перновском уезде.

В Ново-Фоннернской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом, под руководством ротмистра Барна, младшего помощника Перновского уездного начальника по 2 уч. Пустосвитова и генерала Безобразова, расстреляны: запасный фельдфебель Иоган Киркман, в Керикской волости — железнодорожный служащий Вану и конюх Г. Крафт и в имении Немме — кр. Карл Лангбейн по указанию помещика барона фон-Глена.

Карательным отрядом, под руководством тех же ротмистра Борна, полицейского Пустосвитова и генерала Безобразова, сожжено без всякого к тому повода: в Немме 24 декабря 1905 г. дсм и движимое имущество у Яна Иля, и у купца Карла Козенкрануса товары в двух лавках, а в Старо-Фоннернской волости экспроприровано по 50 руб. у Минны Тедер и у Иогана Томасова за то, что присутствовали при пожаре в имении «Леллес». Без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом подвергнуты жестоким истязаниям в Старо-Фоннернской волости крестьяне: Эрнст Гансберг (35 ударов), Ганс Каспи (25 ударов), Иоган Каспи, Иоган Туйск и Карл Тальнай; в Керикской волости — много лиц, в том числе крестьяне Четь; в Леллеской волости — учитель Нигоссон, М. Нигоссон и др. за то, что не знали, кем спилены телефонные столбы; в Каркусской волости — 23 декабря 1905 г. по доносу фон-Штрика — Петр Янусон; после истязания лежал два месяца весь синий и потерял работоспособность; в Немме — истязан до полусмерти Ф. Якобсон за то, что не мог указать брата, какового у него, вообще, вовсе нет, и Оскар Якобсон (получил 77 ударов).

В Юрьевском уезде.

В Ратгофской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом расстрелян Август Маухр и Кутлат за то, что сняли якобы герб с аптеки и запретили торговать наливкой (опьяняющим напитком).

В Ваймастерской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом, по настоянию местного помещика, 21 января 1906 г. был подвергнут жестоким истязаниям Иоган Сейн (106 ударов).

В имении Мерри, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом под руководством фон-Сиверса расстреляны крестьяне: Анс Мытце (19 лет), Даниил Кольбер (50 лет), Когер и Вольдемар Тильман; они, по настоянию фон-Сиверса, были

объявлены мелкими ворами. Подвергнуты страшным истязаниям: крестьяне Август Вебер (400 ударов), Иван Лейта (200 ударов), Яак Мандель (200 ударов), Ян Орас (200 ударов), Тенис Каме (200 ударов), три женщины — Минна Мытце (50-летняя), Юлия Плакс и Мария Пант (по 150 ударов каждой).

В Воттвиверской волости, таким же истязаниям подвергнут кр. Отто Бекман (100 ударов) и в Лайвасской волости кр. Ян Иост (100 ударов); был перед тем за самовольную охоту в лесах помещика приговорен к смертной казни, но затем помилован

В Эзельском уезде.

В деревне Памме, без суда и следствия и без всякого к тому повода карательным отрядом под руководством офицера Гернета расстреляны Александр Китт за то, что в 5 минут не мог сказать, кем разгромлена местная винная лавка. В Когульской волости таким же образом расстрелян кр. Михаил Липп по указанию Керринского владельца барона фон-Ренненкампа, с которым состоял во вражде.

КУРЛЯНДСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

В Митаво-Баусском и Добленском уездах.

В Добленской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом, под руководством офицера Буша, пристава Шабловского и барона фон-Гана, расстреляны 17—21 декабря 1905 г.: учитель Фельдман, студент Ян Лекнайс и усадьбовладельцы — Берзин, Хельман, Ян Бригадер и купец Рап. Ян Бригадер, по дороге в г. Митаву, расстрелян собственноручно Бушем и тут же ограблен; взяты золотые часы, кольцо, очки в золотой оправе. 1 января 1906 г. — кр. Крапман; 1 апреля того же года — Яно Берзинь. Точно таким же образом, в г. Митаве расстреляны: 26 декабря 1905 г. четверо, в январе 1906 г. двое, в том числе Вешкая, и, кроме того, Рудольф Дзильна и Эверсон.

В Гофцумбергской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом под руководством барона фон-Гана и фон-Велиша расстреляны 13 января 1906 г. два брата Янсон и Цирцен. Сожжены 12 того же января: кр. усадьба «Адени», стоимостью в 20.000 руб. и усадьба «Рунге», стоимостью в 20.000 руб. В феврале таким же образом убито еще пять человек и сожжено пять усадеб и у одного крестьянина движимое имущество. Явившийся в усадьбу «Рунге» отряд сначала выпил 100 бутылок самодельного плодового вина, потом экспроприровал все, что только можно было взять и сжег усадьбу; ни собственник усадьбы, ни кто-либо из его родственников никогда ни в чем не обвинялся ни до ни после разграбления и поджога усадьбы отрядом.

В Пенукльской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом, под руководством двух 20-летних нетрезвых баронов фон-Гана и фон-Велиша, сожжена

12 января 1906 г. усадьба кр. Пенца «Маз-Кирпены», стоимостью в 30.000 руб. со всем имуществом, при чем не был пощажён и жилой инвентарь (лошади, коровы). Экспроприировали одну свинью и несколько уток, которых отряд захватил с собой. Владелец и никто из его домашних никогда ни в чем не обвинялись и к допросу ни до ни после поджога не привлекались; потом сожжены две усадьбы Блднека и Трина.

В Ливенберзенской волости, 14 декабря 1905 г. здание волостного правления было окружено 62 драгунами, под руководством Буша и 3 других офицеров. Все перерыли, ничего предсудительного не нашли. Первого встречного истязали, требуя указать распорядительную комиссию. Указан был кр. Грезе, владелец усадьбы «Яныши»; туда направился карательный отряд и встретил самого Грезе на дороге. Драгуны набросились на него избили и ограбили; взято 200 руб. наличными и часы; затем привязали его к лошади и потащили с собою. В усадьбах «Бреки» и «Плуньки» отряд экспроприировал 150 руб. наличными деньгами и карманные часы и зверски избил всех жителей. Сильно избитый хозяин усадьбы Плуньки был освобожден, но его батрак, у которого нашли револьвер, взят. На обратном пути остановились на дороге, и офицер Буш спрашивал Грезе, член ли он распорядительной комиссии. Да, отвечал Грезе. В таком случае, отойди дальше, — приказал Буш и выстрелил в него. Грезе, обливаясь кровью, упал; один из драгунов, перерезал ему горло и перерубил плечо. Батрака ранили несколькими выстрелами, а затем убили, голова была разможжена камнем. Тут же проходившего с топором в лес старика, зверски истязали и бросили топор в поле.

В Гарозенской волости без суда и следствия и без всякого к тому повода карательным отрядом под руководством фон-Эрцдорфа расстреляны 2 февраля 1906 г. крестьяне Данишевский, Фрейман и владелец ус. «Мокуль» в Катриненгоф; таким же образом убит один батрак. Данишевского спросили: он ли Данишевский, и на утвердительный ответ последовал выстрел. После расстрела он присужден к трехмесячному аресту. Фрейман же был сташен ночью с постели и в одном нижнем белье расстрелян. Несколько человек подвергнуто истязаниям, в том числе и женщины. Точно таким же образом расстреляны: в Альт-Жагорах 20 февраля 1906 г. четыре человека, в Петерннской волости 19 декабря 1905 г. — крестьянин Буш, кузнец Штейнбах, а потом еще батрак Вилле, Вольтберг и усадьбовладелец Яунзем. В Руэнталенской волости 26 того же февраля Ян Скуенек; перед расстрелом Скуенек был у следователя справляться, имеются ли против него какие-либо обвинения; оказалось, что нет, но вечером того же дня явился урядник с драгунами и приказал ехать вместе с ними в г. Бауск. По дороге он убит. 3 января того же года в ус. своего отца был арестован 15-летний Эдвальд Эйх. Его отправили в Элей, по дороге он был подвергнут истязаниям и расстрелу, и только благодаря счастливой случайности он спасся; 7 января сожжены

усадьбы: «Краукли», «Аншели» и «Ашели». Последние две за то, что владельцы не могли указать местонахождение своих сыновей.

В Вюрцавской волости без всякого к тому повода карательным отрядом сожжена усадьба «Смеден» с лесопильным заводом, в Грюнгофской волости ус. Яна Земита «Спеки» со всем инвентарем, сельско-хозяйственными машинами; усадебная земля секвестрована, убыток, причиненный Земиту — 40.000 р.; в Шведгофской волости — усадьба Яна Крума.

В Экауусской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом расстреляны: 12 января 1906 г. крестьянин — усадьбовладелец Кирштейн и три батрака, при чем один расстрелян по ошибке; затем в январе еще двое, а 16 февраля усадьбовладелец Болман с женою, и 27 апреля — кр. Рея. 2 января сожжена усадьба Яунзема.

В Болдонской волости без суда и следствия и без всякого к тому повода карательным отрядом под руководством фон-Эрцдорф-Купфера расстреляны 4 января 1906 г. 4 человека и сожжена усадьба Юра Гала, в Шенбергской волости — один крестьянин, а в г. Бауске — четверо.

В Фридрихштадтском и Иллуksком уездах.

В Мемельгофской волости 5 февраля 1906 г. в усадьбу «Бекели» явилась карательная экспедиция — барон фон-Остен-Сакен с 15 драгунами при одном офицере, арестовали владельца усадьбы Петра Упмана и жестоко его избили; после этого отряд разграбил все, что только возможно было взять, и по распоряжению фон-Остен-Сакена усадьбу сожгли. Спасать что-либо не позволялось. Под открытым небом очутились все жители усадьбы с полуголыми детьми. Взяв Упмана с собой, барон фон-Остен-Сакен отправился к волостному правлению, где в то время происходило общеволостное собрание, созванное уездным начальником фон-Фогтом и комиссаром по крестьянским делам фон-Фитингоф-Шелем. Явившись туда, Остен-Сакен арестовал Жана Безайса и избил собственноручно нагайкой (уездный начальник и комиссар в это время находились в волостном доме). Отсюда, вместе с арестованными Упманом и Безайсом, Остен-Сакен отправился в Альт-Мемельгоф. Здесь Упман снова был избит, и Остен-Сакен заставил его и купца Залковича уплатить себе по 50 р. за то, что Упман купил с аукциона быка, принадлежавшего брату фон-Остен-Сакена за 50 р. и перепродал его за столько же Залковичу (упомянутый бык был еще до этого Залковичем бесплатно возвращен по принадлежности Остен-Сакену). Из Мемельгофа Остен-Сакен отправился в ус. «Огудрува», избил ее владельца Яна Берзиня, разграбил его имущество и приказал уплатить себе 50 р. За что, не сказал. Так как денег на-лицо не оказалось, то Берзинь должен был их отнести на другой день Остен-Сакену в имение. Это и было исполнено. Отсюда Остен-Сакен отправился в усадьбу отца Яна Безайса «Печули» и, разграбив ее, отправился в имение Гер-

Берген, где Жан Безайс вместе с другими семью лицами (Озол, Гергалом, Бекером и другими) были подвергнуты жестокому истязаниям. На другой день, 7 января, по дороге обратно в Мемельсгоф Остен-Сакен нагайкой заставил Жана Безайса вылезть из повозки, и тут же расстрелял его. Тем же бароном фон-Остен-Сакеном были таким же образом расстреляны: усадьбовладелец Калькис за недозволенную охоту, учитель Пузаро в Курменской волости и учитель Юлий Девкоцин и Грос-Зальвенской волости; 13 февраля того же года в Лассенской и Штейннензеской волости подвергнуты истязаниям 20 человек, в том числе Эдуард Самол, И. Жив, Фр. Звейнек, Ян Бацалак, Густав Штрейкан должен был уплатить 500 р.

В Сетценской волости без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом под руководством фридрихштадского уездного начальника фон-Фогта и его помощника фон-Гервига расстрелян 3 января 1906 г. 60-летний старик усадьбовладелец кр. Мартин Сварек. Его усадьба «Бикернеки», стоимостью в 11.700 р., сожжена со всем инвентарем; таким же образом без всякого к тому повода сожжена кс. «Нагайши» и имущество Анны и Яна Ванана, Мады Ауглис и Либы Смильтинь.

Карательным отрядом под руководством тех же лиц без суда и следствия и без всякого к тому повода расстреляны: в феврале 1906 г. в Вийгантской волости — 3 крестьянина; 19 января того же года в Зельбургской волости — 70-летний старик Пурен, его сын Ян Пурен, Ян Калнин, Петр Робинсон, Кришь Авотын, три Земберга (70-летний старик с двумя сыновьями) и брат владельца усадьбы «Готынь». Старики Пурен и Земберг убиты карательным отрядом потому, что их сыновья будто бы приняли участие в освободительном движении. Сожжены 30 декабря 1905 г.: без всякого к тому повода усадьба «Рызгас» за то, что сыновья владельца не оказались дома, усадьба «Маз-Пигас» за то, что дети владельца принимали будто бы участие в освободительном движении (они потом оправданы), усадьба «Рышкаун» и усадьба «Пормал» за то же. Усадьба Зильберга, стоимостью в 8.800 р., сожжена со всем имуществом за то, что его самого не нашли дома, когда же он объявился, ему никакого обвинения пред'явлено не было. Подвергнуты истязаниям 27 января 1906 г. девять человек, а в феврале того же года 63 человека местных крестьян.

В Нерфитской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом расстреляны в феврале 1906 г. крестьяне Бруновский и Балод; в Асарах в январе того же года — 6 крестьян.

В Дубенасской волости без суда и следствия и без всякого к тому повода карательным отрядом под руководством капитана 5 роты, 169 Новоторжского полка Савельева расстреляны 16 января 1906 г. крестьяне: Пурман, Аугшмидт, Ян Звайнгзе, Рышке, Душлер, Саули Равизор, Фриц, учитель Стапран и др.—всего 16 человек; 24 того же января расстреляны еще Яков Стрже и Андрей

Брувер. Сожжены усадьбы: Страутыня, Петерсона, Путекля, Айзпурета, Гудена, Марышева, Вевера, Миглана, и усадьбы Ильзы Васка, а имущество сожжено у Стрже. Сожжение сопровождалось грабежом.

В Саукенской волости в марте того же года сожжены две усадьбы — Галвена и Эрмеяна и потом еще усадьба Разика; ус. Брунена, стоимостью в 15.000 р., сожжена со всем инвентарем, сын его истязан, получил 100 ударов проводочными плетьюми, никто не арестован, обвинений нет.

В Суббатенской волости (Иллукского уезда) без суда и следствия и без всякого к тому повода карательным отрядом расстреляны в январе 1906 г. кр. Китов и др., всего 5 человек. Несколько человек подвергнуто истязаниям. В Венсенгофской волости и Сусее тогда же без всякого к тому повода отрядом под начальством баронов фон-Фредерикса и фон-Фитингофа сожжены 4 усадьбы: «Калван», стоимостью в 20.000 р., «Межанчи», «Сидрабы» и «Курилы», владелец последней был освобожден фон-Фредериксом за 200 р., хотя вначале потребовал было 400 руб.

В Проденской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом под руководством барона фон-Фитингофа расстреляны 15 января 1906 г. кр. И. Пормалан и 22 января — Твинтык. Сожжено 15 января в усадьбе Индрика Пормалана гумно вместе с находившимся в нем имуществом за то, что расстрелянный сын его подозревался в прикосновенности к освободительному движению, а 22-го в ус. Твитыка за то же сожжены гумно и амбар вместе с имуществом, 15-го же января в усадьбе Якова Пупе—гумно со всем имуществом, в усадьба Криша Кронберга «Опушка» — все постройки с частью имущества, остальная же часть отрядом разграблена. Подвергнут тяжким истязаниям 2 февраля того же года под руководством того же барона крестьянин Павел Буценек.

В Туккум-Тальсенском уезде.

В Ауце, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом, под руководством барона фон-Радена, фон-Браже и графа Медема, расстреляны: в январе 1906 г. пять служителей графа, 14 того же января Генрих Гроскопф, 1 марта того же года батрак, и в феврале того же года — 22 человека местных крестьян. Сожжен 28 декабря 1905 г. дом Фр. Гартмана, а сам он подвергнут жестокому истязанию без указания причины. Сожжена также и усадьба учителя Коша.

В Рингенской волости в имени Ринген без суда и следствия и без всякого к тому повода под руководством офицера Михайлова расстреляно четверо крестьян. 1 января под руководством поручика Иванова отрядом 10 Екатеринославского полка расстреляно четверо мызных батраков имени Боузилен.

В Бененской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом расстреляны: января 1906 г.

учитель Целмс, 19 февраля 1906 г. — 8 человек, 18 марта того же года — крестьянин Линин, перед тем зверски истязанный, истязана также жена его Анна Линин, и у нее отряд под руководством урядника Поле и стражника Зиле экспроприировал все съестные припасы; 21 апреля — лесной сторож, 12 мая по дороге в Митаву — Ян Бирик. Последний перед убийством ужасно истязан. Сожжены под руководством младшего помощника уездного начальника фон-Браже 27 декабря 1905 г. усадьбы: «Яунземи» и «Крогери», а 19 февраля 1906 г. еще одна усадьба. Кроме того, 23 января того же года была сожжена арендная усадьба, находящаяся на земле усадьбы «Яунземи». Последняя была подожжена уже 10 января 1906 г., но тогда после удаления отряда пожар удалось потушить.

В Гемтенской волости без суда и следствия и без всякого к тому повода карательным отрядом расстреляны в январе 1906 г.: чиновник почтовой конторы Силин, владелец усадьбы Аншпетер и еще третий. У учителя Андерсона сожжено имущество за то, что он в училище ввел преподавание на латышском языке. Точно таким же образом расстреляны: в Блиденской волости в январе того же года один неизвестный, который на вопрос начальника карательного отряда барона фон-Драхенфельса: кто он, — ответил — «человек»; в Ирмлауской волости 23 декабря 1905 г. — сын усадьбовладельца Дрейман; в Церенской волости 3 декабря — крестьянин Карл Зандер; в г. Туккуме, 8 января 1906 г. — крестьяне Заляйс и Таурин, а 10 февраля 1906 г. — усадьбовладелец из Лестенской волости с батраком; в Яунцильской волости, 9 января 1906 г., на дороге бароном фон-Драхенфельсом собственноручно расстрелян владелец усадьбы «Кепинь» Феодор Амур, — последний перед тем жестоко избит; в Сламтенской волости, 2 мая 1906 г. — батраки Берзин и Нейман; в Сасмакене, в январе 1906 г. — местный кузнец; в Лубезере тогда же — один крестьянин; в Вегах и Каулице, 23 того же января — пять человек; в Цабельне, в феврале и марте месяцах того же года — всего 10 человек; в Стендене, в марте того же года — трое и 3 мая крестьянин Эвинь; в г. Тальсене, 14 января того же года — Мозерзюс, Рожкалин и один приказчик, в феврале — еще трое и 12 апреля — еще двое; в Ваненской волости, 28 декабря 1905 г. — батрак Финкенфус; в Зантенской волости, под руководством барона фон-Гана, 22 апреля 1906 г. — 60-летний старик крестьянин, владелец усадьбы Вильцин, а после его расстрела сожжена без всякого к тому повода и его усадьба.

Без всякого к тому повода карательными отрядами сожжено и разрушено в г. Тальсене 22 дома и в Ваненской волости усадьба «Румбенек».

В Гольдингенском уезде.

В Гольдингенском приходе без суда и следствия и без всякого к тому повода карательным отрядом под руководством полковника Солонина (ныне генерал-майор) расстреляны: 24 января 1906 г.

12 человек и 14 марта того же года 8 человек. В Фрауэнбурге точно таким же образом были расстреляны, под руководством полковника Визирова и по указанию барона фон-Радена, 4 января того же года учитель Швельман и др. всего 10 человек; в Гайкенской волости в январе того же года по указанию барона фон-Ренне — Микельсон и Натынь; в Сатигенской волости — тогда же батрак Штейн и один столяр; в Пампаленской волости — 10, того же января, батраки Кулис и Медькарт и усадьбовладелец Шлангенберг и Гербст, последний вместо сына.

Сожжены без всякого к тому повода карательным отрядом усадьбы: в Шнепольской волости, 9 января 1906 г. — усадьба «Пуллин»; в Курситенской волости, 10 того же января — усадьба Симона и Крузберга; 15 января — усадьба «Валодзе»; в Шрунденской волости, 10 января, усадьбы — «Буперт», «Нушки» и усадьба Замеркална; в Пелценской волости, в январе того же года, усадьба «Кайри»; в Боверской волости усадьба Круминя, а имущество его разграблено, и в Дветенской волости сожжено имущество у Антона Крапана и Яна Крейфуса, сами же они со многими местными крестьянами подвергнуты жестоким истязаниям и нагайками, и розгами.

Кроме того таким же истязаниям (без всякого к тому повода и без суда и следствия) карательными отрядами подвергнуты: в Лутринской волости 8 человек и в Грос-Эзернской волости 6 человек местных крестьян. Сожжены три усадьбы: «Шули», «Друва» и усадьба Бержинская.

В Виндавском уезде.

В г. Виндаве, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом, под руководством полковника Гордеева и начальника уезда Брауна, убиты 24 декабря 1905 г.: в своей квартире студент Берман, а на станции учитель Ян Феонаст, студент Кирилин и Берзнак. Все заколоты штыками и перед убийством подвергнуты ужаснейшим истязаниям под непосредственным руководством Брауна. При осмотре, на теле Кирилина насчитано более 30 штыковых ран. 27 того же декабря прикладом убит учитель Альфред Георгий Яковлевич Горбант. Сожжены в январе 1906 г. 4 дома.

В Шлекской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом, под руководством фон-Бера и фон-Мантейфеля, убиты 26 декабря 1905 г.: учителя Карл Граудынь и Роберт Озол за то, что ввели в училище преподавание на латышском языке, батраки Яков Закис, Яков Рейнгольд и Ян Андерсон за то, что летом 1905 г. будто бы пригрозили выпороть соломенной метелкой барона фон-Бэра. По дороге в Гольдинген расстреляны 29 декабря того же года усадьбовладельцы: Ян Шаман, Тетер Анс, Кайзер Андрей Кош, Мулек и Жур (последний за то, что судился с бароном и запретил ему несколько лет тому назад охотиться в своем лесу) и батрак Андрей Печак, а по дороге

в Виндаву Якобсон, Кош, Кейзер, Шаман и Печук были приглашены начальником отряда в имение Шлек и там арестованы, 29 декабря 1905 г. они были отправлены в Гольдинген и по дороге в 8 верстах от Шлека все четверо по приказанию офицера без всякого к тому повода убиты. Вдова Кейзера обратилась ко всем властям, дабы узнать причину расстрела мужа, однако безуспешно. Комиссар сказал, что покойный муж ее ни в чем не обвиняется, на прошение, поданное на имя генерал-губернатора о выдаче копии с обвинительного акта, последовал ответ, что прошение оставлено без последствий. Таким же образом без всякого к тому повода еще расстреляны: в Варунской волости 20 того же декабря четыре человека; в Дзирцемской волости 6 января 1906 г. крестьяне Пурит и Клаюмс; в Эдваленской волости, 7 февраля 1906 г. владельцы усадеб «Пупалгас» и «Слукалей» и один неизвестный, а многие местные крестьяне подвергнуты истязаниям.

И Иопенской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом расстреляны в январе 1906 г. два батрака за недозволенную охоту, а в феврале того же года еще один.

Сожжены усадьбы «Куйки» и «Аусдары», первая за то, что сын владельца будто бы принимал участие в освободительном движении, а вторая — за недозволенную охоту.

В Дондагенской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом, под руководством полковника Солонина в сопровождении Броуна, расстреляны 2 февраля 1906 г. 14 человек, в том числе крестьяне: Петерсон, Трейлиб, Ошмеж, Фрейберг, Попнек и др.; усадебовладелец Витол подвергнут расстрелу два раза, но остался, хотя и изувеченный, в живых. Ни он, ни кто-либо из его домашних не принимали участия в освободительном движении. Он был подвергнут расстрелу, равно, как и усадьба его была сожжена по «недоразумению», как заявил начальник карательного отряда. Усадебовладелец старик Попнек был расстрелян за то, что лет 20 тому назад, состоя в должности волостного старшины, не ладил с владельцем имения бароном фон-Остен-Сакеном. Ни сам старик Попнек, ни кто-либо из домашних в последнее время в общественной жизни, не говоря уже об освободительном движении, не принимал участия. Сожжены, помимо усадьбы Витола «Антес», стоимостью в 8.000 р., и усадьбы Попнека, стоимостью в 15.000 р., еще усадьба «Дирыни» и «Попары» с фабрикой плодовых вин. Последняя, стоимостью в 20.000 р., сожжена за то, что один из сыновей владельца будто бы принимал участие в освободительном движении. Подвергнуто истязаниям около 100 человек местных крестьян.

В Гробинском уезде убийства, поджоги, грабежи и истязания производились по указанию графа Кайзерлинга, при деятельном его личном соучастии во всех этих делах.

В г. Гробине, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом расстреляны: в январе 1906 г. крестьянин Калнин и 12 апреля того же года по дороге из Либавы П. Заурант. В Дурбенской волости в декабре 1905 г. — крестьянин Резевский и один батрак; 6 января 1906 г. еще один. В тот же день в Дурбене сожжен без всякого к тому повода один дом, а 8 января усадьбы: Лизика и Степана. В Варгаленской волости таким же образом расстреляны 4 января 1906 г. усадебовладельцы: Кронит и Балтбарт, один домовладелец и пять батраков. Разграблена и сожжена усадьба «Грави». Подвергнуто экзекуции 12 того же января трое. В Тадайкенской волости расстрелян в январе того же года крестьянин Скаберт и сожжена усадьба Цирита. В Ильгенской волости расстреляны тогда же усадебовладельцы Круса и Никус и два батрака. Сожжена усадьба Никуса.

В Упенекенской волости, точно таким же образом, без суда и следствия и без всякого к тому повода, расстрелян того же января один человек; в Гавезенской волости, 16 того же января убиты крестьяне: Пукис, Генкель, Пельц, четыре усадебовладельца из Портсатенской волости и др., всего 26 человек. Тогда же сожжено имущество учителя Мауриня.

В Узейкенской волости, без всякого к тому повода, карательным отрядом сожжена усадьба Яунзема, стоимостью в 9.600 р.; в Нидербертауской волости — имущество учителя Вредиса; истязаниям подвергнуто 11 человек; в Шнепельской волости, сожжена усадьба Пузик со всем имуществом. 15 января 1906 г. из Либавской тюрьмы был взят В. Штраус, в течение трех дней в Прекульне подвергнут зверским истязаниям и 18 января без суда и следствия повешен.

В Альтенбургской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом расстреляны 8 января 1906 г. крестьяне: Карл Уонис, Ян Лейман, Анс Зальналн, Киш Зиверт, Отто Балод. Сожжены усадьбы: «Канцлеры», «Ветцвес» и «Плески» со всем движимым имуществом, при чем часть этого имущества по обыкновению была перед тем отрядом разграблена. В грабеже и здесь деятельное участие принимал сам граф Кайзерлинг; так в усадьбе Швана Кайзерлинг присвоил музыкальный инструмент, В.-корнет, стоимостью в 75 руб.

В Газенпотском уезде.

Убийства, поджоги, грабежи и экзекуции производились под руководством барона фон-Шредера, графа Кайзерлинга, барона фон-Клопмана.

В Газенпоте, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом расстреляны в январе 1906 г. владельцы усадеб: «Крониши», «Страни» и «Медичи»; крестьянин Я. Страуле; батраки: Марков, Пуб, Алле, Фельдман и Смилга. Сожжен волостной дом.

В Дзербенской волости таким же образом расстреляны: 7 января того же года крестьянин Н. Ош, владелец усадьбы «Убель» и другие, всего 4 человека. Сожжена усадьба «Убель», «Брувер» и усадьба Каднина со всем имуществом.

В Саленской волости, расстреляны 30 декабря 1905 г. карательным отрядом, без суда и следствия и без всякого к тому повода — Мицайт и Аматынь.

В Каздангенской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом убиты с 3 января по 2 февраля 1906 г.: студент Федор Индриксон и его брат, ученик, Цилдерман, Яунзем, Ансон, Манфельд, писар Кронберг (повешен), учитель Зингберг (повешен) и учитель Пумпур (повешен при попытке бежать), владельцы усадеб «Нича» Гринвальд и «Трули» Брантевиц, седельник Дамберг, Клопс (повешен, при попытке бежать), Страдзынь и др., всего 20 человек. 4 февраля тот же отряд под руководством тех же лиц взял из Газенпотской тюрьмы зачисленных за судебным следователем 13 арестованных и повез законных в цепи в сторону имения Калвен. Следователь немедленно дал телеграмму прокурору, и последний приказал вернуть их обратно. Погнавшийся за ними человек застал их по дороге, но двоих из 13 уже успели расстрелять «при попытке бежать». Сожжены со всем инвентарем усадьбы: «Чича», «Соги», «Посмага», «Аузин» и 2 января 1906 г. усадьба Симона Индриксона «Вец-Вагары», стоимостью 12.000 руб. Карательными отрядами руководил поручик 15 Шлиссельбургского пехотного полка Федор Федорович Семенов, барон Готард Эдуардович фон-Шредер, барон Ульрих Эмильевич фон-Клопман и младший помощник уездного начальника фон-Аттелмейер. Все убитые перед смертью зверски истязаны.

В Айстерской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом расстреляны: в январе 1906 г. два батрака; в Апенской волости—тогда же—два батрака; в Легенской волости — три батрака; в Рудбарской волости тогда же — один человек и сожжена усадьба вол. старшины; в Строкенской волости тогда же — Пурвит и Озол; в Бартенской волости тогда же — писарь Фрейберг и другие, всего пять человек; в Пормзетенской волости 14 того же января — усадебовладелец Озолин и другие крестьяне, всего 9 человек, а 10 мая того же года Я. Гайксте, с 12 по 14 января того же года сожжены бароном Николаем фон-Шредером усадьбы Мейера, Бружевица, усадьба «Большень» и еще одна, имущество разграблено. Усадьба Бружевица сожжена за то, что не нашли дома его сына. В Равенской волости в январе того же года расстреляны кр. Янсон и Симсон. Сожжена усадьба «Кангари».

В Грос-Дзелденской волости—13 того же января расстреляны два и 14-го — 3 человека. В Ниградской волости — 25 того же января повешен батрак Июстин, 27 января сначала расстрелян, а потом повешен батрак Розе. Труп последнего, по приказанию на-

чальника карательною отряда Шредера и Мантейфеля, должен был висеть три дня «для устрашения». Сожжена со всем имуществом и инвентарем большая усадьба Бригадера, стоимостью в 15.000 руб. Вместе с имуществом Бригадера сожжена и часть имущества его батраков. Все съедобное при этом было экспроприровано. Подвергнуты истязаниям: Э. Страднек, Франц Вальтер, Дамбис (умер потом), Я. Клява и Д. Якобсон. Равным образом, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом в Альшвангенской волости, расстреляны 31 января 1906 г.: усадебовладелец Яунбирзе, корчмарь Крумс, столяр Путнин, батраки Осис и Путнин. Подвергнуты истязаниям человек 20 местных крестьян. В Байноденской волости убиты 23 того же января: Печ, типографщик Карклин, машинист Брулевич, писарь Швейнис, сапожник Крузе, Розентарь, один учитель и др., всего 10 человек; 24 того же января расстреляно еще трое, повешено — двое, 25 января расстреляно три батрака, 14 мая еще один. Сожжен 25 января того же года дом Яна Глудина, все имущество отрядом экспроприровано.

В Бринкенской волости 19 января того же года сожжена усадьба крестьянина Индрика Зиверта «Скруденек», стоимостью в 4.000 руб. В Нодагенской волости 13 того же января, расстрелян писарь Кикурас. Сожжены 10 февраля того же года со всем движимым имуществом три усадьбы: Я. Ролова «Эзергалы», Я. Спруда «Дечи» и Яна Берзиня «Зейдаки», стоимостью в 3.600 р. и волостное училище; подвергнуты истязанию и затем сброшены с лестницы Ян Берзинь и Карл Биринь; в Дынсдурбенской волости в феврале того же года расстрелян Швабул. Подвергнуты истязаниям члены распорядительной комиссии (по 40 ударов). В Валтайской волости, в феврале того же года бароном Сильвием фон-Бредерихом, расстреляны крестьяне: А. Лац, В. Шеплер, А. Брукле, П. Родис, П. Граудынь, Я. Розенталь, Я. Книток, Я. Страус, А. Иемберг, А. Берзинь, Я. Дудынь, Я. Ванаг, П. Ванаг, Я. Пельш, М. Пельш, Я. Церпинь, М. Церпинь, А. Райбудрис, Я. Малынь, А. Сескис, и К. Сескис, всего 21 человек. В Колетенской волости расстреляны в январе того же года два Путика и Мадкус. Сожжен один двор. В Дубеналкенской волости тогда же сожжены со всем инвентарем и движимым имуществом усадьбы: Грантмана (за то, что сын был членом распорядительной комиссии), Ауга, Зандмана «Пастун» и др., всего 6 усадеб. В усадьбе, «Тастум» сожжен 12 января жилой дом за то, что не оказалось дома сына ее владельца Зандера. 15 февраля того же года явился снова отряд драгун графа Эдгара Кайзерлинга и Карла Товелина и, не найдя опять сына дома, похитил 74 руб. наличными деньгами, швейную машину (50 руб.), белье и одежду (на 3.000 руб.) и испортили машину для изготовления лимонада (200 руб.). В усадьбе Зандмана «Чучи» сожжены три строения, стоимостью в 1.250 руб. за то, что собственник не мог указать местонахождения своего зятя Грасмана, который, как оказалось впоследствии, ни в чем не обвинялся.

В Циравской волости 7 того же января, без какого-либо повода, сожжены усадьбы: «Тикас», «Поле», «Ранке», «Гретен» и «Вейдеман». В Пильсбергской волости, сожжен двор Янберга и человек 15 подвергнуты истязаниям. В Цилденской волости в январе того же 1906 г. сожжена усадьба «Вец-Вагар». В Ямейской волости подвергнуты истязаниям человек 20. Наносились по 150 ударов нагайками. В Кирксатенской волости расстреляны в январе 1906 г. 4 человека, в том числе Индрик Штерн.

В Тельс-Паддернской волости, без всякого к тому повода, сожжена 31 января 1906 г. карательным отрядом усадьба 66-летнего старика — Адама Розина — «Бушуп».

В усадьбу явился отряд солдат на четырех двуконных подводах, во главе с урядником, офицером и сильно подвыпившим графом Кайзерлингом из им. Альтенбурга. Кайзерлинг выругал Розина и потребовал ключи от амбара. Взяли оттуда все, что им показалось пригодным, и клали на подводы и потом выпустили из хлева свиней, расстреляли и тоже клали на подводы. Уткам отрубили головы нагайками. В жилой дом вошли солдаты и их начальники и грабили. Граф Кайзерлинг собственноручно снимал занавески с окон в комнате дочери хозяйина, вынес на двор и положил в свои сани. Когда дом был разграблен, солдаты притащили солому, клали на пол, обливали керосином и зажгли. Также зажгли амбар. Приказали выпустить скот из хлева. Подожгли хлев и сарай. Потом стали грабить людей. Ощупали гостившего старика Якова Спруде. Тот опустил кошелек с деньгами в сапог. Солдаты заметили кошелек, повалили Спруде на землю, разрезали саблей штаны и голенище сапога и извлекли оттуда кошелек с деньгами. Старик Розин обратил на это внимание офицера, на что тот коротко ответил: «пусть грабят». Когда все 4 подводы были нагружены награбленным имуществом и все строения усадьбы стояли в пламени — каратели уехали. Убыток более 8.000 рублей.

ЭСТЛЯНДСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

В Ревельском уезде.

В Рампельской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом расстреляны 26 декабря 1905 г. восемь человек. Сожжена усадьба и все имущество Яна Луппика, стоимостью в 2.300 руб.

В Кохильской волости таким же образом расстрелян, по указанию управляющего имением Кохиль, Август Аннук.

Во Владимирской волости 22 декабря 1905 г. — Густав Вахтмейстер. У брата его Иозера Вахтмейстера сожжена усадьба и часть имущества, другая часть разграблена. Убыток — 7.000 руб.

На ст. Хагут карательным отрядом из 4 роты 14 флотского экипажа, по указанию помещика и пастора, без суда и следствия и без всякого к тому повода, расстрелян учитель Панс Эрлих.

В Кедерской волости таким же образом расстреляны 4 января 1906 г. Мика Ангель и другие, всего восемь человек.

Тогда же в Аллаферской волости — Ганс Янсон.

В Анниякской волости, без всякого к тому повода, карательным отрядом 28 декабря 1905 г. сожжена усадьба Эвы Вимберг, стоимостью в 5.000 рублей, за то, что ее сына не нашли дома.

В Разикской волости карательным отрядом, под руководством офицера фон-Неффа и младшего помощника уездного начальника фон-Вальдена, расстреляны 23 декабря 1905 г. Томас Пельбаум и Иоганнес Пельбаум за то, что шли лесом по тропинке. Вечером, после расстрела, офицеры спросили волостного старшину Тено Клянда, знает ли он, кто там был расстрелян. Кроме того, по указанию владельца им. Пеннинчи, расстрелян Ян Соом.

В г. Ревеле, карательным отрядом под руководством генерала Безобразова, без суда и следствия и без всякого к тому повода, расстреляны: Антон Кукерс, Гергард Шервель (17 л., ранен), Петр Гольм и Август Кертон, по дороге из церкви Александро-Косман заколот штыками, Иоганнес Спирна (по указанию фон-Цюрмюлена), Карл Штейдер подвергнут истязанию; ему нанесено 360 ударов нагайками.

Кроме того в Ревеле еще расстреляны: Тену Кеби, Альфред Биннерт, Карл Эдес, Иоганнес Метлик, Петр Кесселман, Ян Орлов, Александр Сикат, Ал. Эрлит, Мих. Тиммин, Пр. Тоомель, Юрий Трийк, Карл Гарьямиэ, Элийз Дуберг, Тиккер Вурме, отец и сын, Гует Сильцель, Ян Трейман, Александр Пялли, Август Кортов — всего убито 40, а 46 еще ранены.

В Ервакантской волости сожжена усадьба Я. Ленсмана за то, что хозяина не нашли дома. Убыток 5.000 руб.

В Гапсальском уезде.

Карательными отрядами, под руководством офицера Зарубаева и фон-Ранненкампа, без суда и следствия и без всякого к тому повода, расстреляны:

В Венденской волости, 16 января 1906 г., крестьяне Антон Пета и др. — всего шесть человек; урядник их заподозрил, что будто бы они разбили окна в усадьбе соседней волости.

В Коловерской волости 25 января того года — крестьянин Юрий Кюннапас; обвинений не было предъявлено.

В Фелькской волости в январе же — Антоний Колумбус, Ян Темант и еще два человека.

В Клостенгофской волости 3 того же января — батрак Антон Кукерс за то, что шел защищать им. барона фон-Феерзена от громил.

В Мерьямской волости — три человека и 10 человек приговорены к расстрелу заочно.

В Веллмской волости — восемь человек, в том числе Мадис Ленсман и Иван Таулус. Сожжена, без всякого к тому повода, одна усадьба. Имущество частью сожжено, частью отрядом раз-

граблено. Подвергнут истязаниям 14 января 1906 г. Петр Парнапас. Нанесено более пятисот ударов. Бил собственноручно также и сам фон-Ренненкампф. Родные подняли брошенного отрядом в безсознательном состоянии Парнапаса. Обвинений ему никаких не предъявлено. Дом его и имущество, стоимостью в 500 рублей, сожжены.

В Мерьямской волости избит нагайками пом. волостного старшины Юрий Фельдман за то, что проходил через комнату, в которой сидели офицеры (50 ударов).

В Фелькской волости, 12 января 1906 г., подвергнут жестоким истязаниям крестьянин Март. Лухтер, за то, что его фамилия очень сходна с фамилией заочно к смерти приговоренного (Карла Лухтера) и сожжена, без всякого к тому повода, усадьба Ганса Луриха за то, что хозяина не нашли дома. Убыток 3.000 руб.

В Иоэсской волости, от зверских истязаний карательным отрядом умер Карл Эвальд.

В Фикельской волости сожжен без всякого к тому повода волостной дом стоимостью в 10.000 руб., расстрелян без суда и следствия домохозяин Бернгард Лайпман и другие, всего 10 человек, избит нагайками Ганс Лааси (200 ударов) и несколько других.

В Везенбергском уезде.

В Эрасской волости, без суда и следствия и без всякого к тому повода, карательным отрядом под руководством флотского офицера Максимова, барона Майделя, Рюрика Веттера и фон-Розенталя расстреляны: Эдуард Маньчик, без предъявления обвинений, Кристьян Луст, Антон Луст и Микель Матс. Антон Луст оказался только подстреленным и потом ожил. Дом его с имуществом сожжен. Брата расстрелянного Маньчука, Германа, подвергли зверскому избиению.

В Иевесской волости таким же образом, расстреляны: Давид Куллама, Август Маухр и Микель Кереман. Последний расстрелян за то, что подал мировому судье заявление, что он не в состоянии уплатить арендную плату.

В городе Везенберге расстрелян Август Нейдорф.

В Соксимойской волости жестоко избит Томас Кук.

В Вейсенштейнском уезде.

Карательным отрядом, без суда и следствия и без всякого к тому повода, расстреляны:

В Немокульской волости, 26 декабря 1905 г., Иозеф Мартов Вельплер за то, что граф Ребиндер когда-то видел его в лесу с ружьем; Иозеф Карлов Вельплер — неизвестно за что, и Ганс Герман за то, что вошел в дом своего знакомого, которого полиция подозревала в прикосновенности к освободительному движению. В Велице таким же образом расстреляны четыре человека, в том числе Фридрих Каптицкий (без допроса) и двоюрод-

ный брат присяжного поверенного Теманта. В Козесском приходе расстрелян под руководством фон-Коцебу кр. Лиллиенвальд.

Всего в середине декабря 1905 г. по 1 июня 1906 г. карательными отрядами генералов: Орлова, Безобразова, Вершинина, Вендта, Солонина и других, в одной только латышской части Прибалтийского края, по имеющимся у нас еще далеко не полным данным, без суда и следствия и без всякого к тому повода расстреляно, повешено и убито 1.170 крестьян усадебладельцев и батраков, сожжено более трехсот (300) крестьянских усадеб с движимым имуществом, стоимостью в общем до 2.000.000 руб., не считая убытков, причиненных поборами, грабежами и другими незаконными действиями карательных отрядов и администрации. Число подвергнутых истязаниям нагайками и розгами не удалось установить, но во всяком случае это число превышает в несколько раз число убитых.

В целях провоцировать население на столкновения и тем оправдать действия карательных отрядов и военного положения в конце 1905 г., с разрешения губернатора Звегинцева и генерал-губернатора Соллогуба, была образована вооруженная немецкая, так называемая, самооборона. Члены этой «самообороны», опять-таки с ведома и разрешения местной администрации, безнаказанно врываются в квартиры мирных граждан, громили и грабили имущество, не останавливаясь даже перед истязаниями и убийствами. Иногда это делалось в сопровождении и под охраной полиции и солдат, а часто на свой собственный страх и риск. Так, ночью с 29 на 30 января 1906 г. замаскированные вооруженные члены этой «самообороны» под охраной солдат ворвались в Рижское общество взаимной помощи «Надежда». Ворвались они, когда уже все спали, выломали двери, избили спящих и принялись громить находящееся в помещении имущество, разбивались столы, стулья, окна, двери, посуда, разрезывались белье и одежда. А стоявшие во дворе солдаты 116 Малоярославского полка с офицером во главе спокойно созерцали разгром. Варварская толпа в нескольких местах подожгла огонь, и только усилиями эконома и присутствовавших знакомых ему полицейских, огонь был потом потушен. Ян Айзун и эконом Гасельман были подвергнуты при этом членами «самообороны» жестоким истязаниям, и только благодаря заступничеству тех же знакомых ему полицейских, ему удалось избегнуть расстрела. Принадлежащий обществу железный шкаф был взломан и все находящееся в нем, между прочим, ящик для пожертвований в пользу вдов и сирот, разграблен; книги же и протоколы разорваны. Нужно отметить, что солдаты отказались принимать в виде угощения предлагаемые им членами «самообороны» похищенные в буфете папиросы и проч. Перед уходом члены «самообороны» подожгли в саду эстраду для музыкантов. В деревне для этой же провокационной цели были созданы разные почетные полицейские должности, на которые поступали местные дворяне, руководившие и руководящие еще и

теперь карательными отрядами и истязаниями населения. На такой почве создаются условия, не имеющие ничего общего с успокоением края.

С началом сессии I Государственной думы незаконные действия карательных отрядов и администрации несколько ослабли, но с роспуском Думы убийства и экзекуции возобновились снова. Если истязания в начале 1906 г. по своей грубости и нескрываемому цинизму свидетельствовали о малокультурности начальников отрядов и их вдохновителей, местных баронов, то с августа месяца того же года истязания принимают ярко инквизиционный характер и происходят уже не открыто на виду у всех, а большей частью в разных притонах и застенках. Задачей истязаний было не столько причинение боли и увечий и устрашение населения, сколько вынуждение показаний, достаточных для предания военно-полевому суду и расстрелу. Самые же расстрелы, благодаря введению военно-полевых судов, могли уже происходить в законной оболочке. Однако, весьма часто все истязания и попытки не могли заставить арестованных принимать на себя ответственность за несодержанные ими преступления. Оснований для расстрела даже по положению и военно-полевой юстиции не было, и вот, наряду с расстрелом, по приговорам военно-полевых судов, начали опять широко практиковаться расстрелы «при попытке бежать», т. е. арестованные, без суда и следствия, попросту выводились куда-нибудь в уединенное место и там убивались. Иногда даже не пытались маскировать убийство «попыткой бежать», и арестованные расстреливались без суда и следствия и без всякого к тому повода, открыто на виду у всех как и в начале года.

Спасаясь от карательных отрядов, масса лиц, не имеющих средств для эмиграции, вынуждена была скрываться в лесах. Местному населению, под угрозой строгого наказания, вплоть до расстрела, воспрещено было снабжать этих лиц съестными припасами и давать им приют. Угрозы не оставались только угрозами и часто по одному только подозрению в приюте скрывающихся родных и знакомых, масса лиц подвергалась самым бесчеловечным истязаниям, высылалась и расстреливалась; нередко под маскою скрывающихся лиц (т. н. «лесных братьев») просили помощь переодетые урядники и провокаторы, предававшие потом приютивших в руки карательных отрядов. Терроризированное таким образом, население должно было отказаться от материальной поддержки этих лиц. Бывали случаи, что даже родители из боязни перед карательными отрядами отказывали в приюте своим детям. Эти лица находились, таким образом, вне закона, их безнаказанно мог убивать первый встречный, а часто за это выдавалась еще награда; на них устраивались правильные охоты, как на диких зверей, и им не оставалось ничего другого, как либо без суда и следствия быть убитыми, либо умереть с голода, либо же взять себе все необходимое силою и защищаться. Лишая местное население законных средств защиты жизни и имущества, каратель-

ные отряды и администрация сами провоцировали экспроприации «лесных братьев». Этими нападениями местные власти и разные начальники карательных отрядов пользовались как удобными предложениями для обложения населения невероятно высокими штрафами и снаряжения новых карательных отрядов. В результате расстрелы и истязания без суда и следствия ни в чем невинных людей и — новые «лесные братья».

В Рижском уезде.

В Гросс-Юнфернсофской волости, по подозрению в убийстве Циммермана, 21 августа 1906 г., был арестован у себя дома крестьянин Мартин Яков Круминь и отправлен в имение Линневарден. Драгуны, под руководством известного огерского инквизитора Ионина (младший помощник рижского уездн. нач.), подвергли его жестоким истязаниям; ему было нанесено более 200 ударов нагайками. 22 августа Круминя отправили в дом Циммермана для очной ставки с прислугой последнего. Прислуга удостоверила, что в числе убийц Круминя не было. По дороге обратно в Ленневарден Ионин велел остановить лошадь, подошел к Круминю, приказал сойти с телеги и идти вперед. Круминь не послушался. Тогда Ионин отдал приказ драгунам заставить Круминя штыками отойти в сторону. Но как только Круминь отошел шагов 15 от дороги, он был расстрелян «при попытке бежать». Круминь оставил жену с трехмесячным ребенком, которая при аресте мужа была ограблена. Циммерман убит в Ленневарденском пасторате 19 августа вечером; Круминь же с полудня 19 августа по 21 августа безотлучно находился в Рембатской волости, в усадьбе Скуенек.

В поездке железной дороги на ст. Рига 19 августа был арестован Микель Витт; его отправили в Ленневарден к карательному отряду, где подвергли истязаниям, а потом, без суда и следствия и без всякого к тому повода, 30 того же августа по дороге расстреляли «при попытке бежать».

В Платерской волости, отряд драгун 9 эскадрона 9 драгунского Елисаветградского полка, под руководством младшего помощника рижского уездного начальника Фролова (ныне переведен в Минскую губернию исправником), произвел аресты и грабежи в усадьбах: «Лел-Зежас», «Маз-Зежас», у «Огрес-Калн», «Целмики», «Колберги», «Авотыни», «Кики» и «Салыняс». При этом масса лиц, мужчины и женщины, были подвергнуты истязаниям. 17-летний батрак Аболтынь был жестоко избит прикладами за то, что не мог указать местонахождения своего брата. В числе других избитых и арестованных находились: Ян Озолин за то, что не позволял драгунам экспроприровать 15 руб. своих денег и сын его, воспитанник Курского землемерного училища Карл Озолин, батрак Гулбис, Мартин Даугул, Ян Каульнь, Андрей Гульбис, Петр Лапин и Карл Пуринь. Избиты и ограблены, но не арестованы Ян Озолин, Андрей Авотынь, Карклин, Мартин Лепин и Пуринь (последние двое седые старики). Арестованных отправили в име-

ние Эссенгоф, где, по приказанию офицера и Фролова, 3 сентября их подвергли избиению нагайками; каждый получил по 100 ударов. Истязание происходило в передней офицерской квартиры; арестованных раздели до-гола, повалили на землю, на ноги и руки стали по драгуну, один держал голову между ногами, а по два начали работать нагайками. После истязания некоторые серьезно заболели.

В Адеркаской волости, тогда же, в усадьбе «Кальви» тот же отряд, под руководством Фролова, ограбил и подвергнул истязаниям Я. Рудзита (получил 200 ударов) и глухонемого Кальнина. Последнего Фролов самолично бил кулаками за то, что тот не мог дать показаний; в усадьбе «Меднякрогс» — Марию Балод, Эву Балод и дворохозяина Зандберга.

Этим отрядом разграблено было имущество на несколько тысяч рублей. 9 сентября возвращался начальник отряда и по жалобе адеркаского православного священника, отца Блодона, он сделал обыск в драгунских казармах. Часть похищенного имущества была найдена и возвращена по принадлежности. Когда К. Озолин зашел к начальнику отряда за своими похищенными при аресте часами, тот извинился и сказал, что не виноват, так как истязания и грабеж происходили в его отсутствие и офицеры и Фролов «воспользовались случаем».

14 сентября 1906 г. в Кокенгузене расстреляны арестованные карательными отрядами 5 человек, а потом еще трое: Кальнин, Аргал и Земит. В имени Эссенгофа — Акерман и Лус. До сих пор осталось невыясненным, за что они расстреляны и расстреляны ли они «при попытке бежать» или по приговору военно-полевого суда. Трупы их найдены изувеченными (у Луса вырван глаз; у Акермана разможжен череп и отломана нога и т. д.).

В Кастранской волости, 28 июня 1906 г., карательным отрядом убиты в лесу «при попытке бежать» спящие Варлович и Клявин и смертельно ранен Лаздынь.

26 сентября 1906 г. в имение Нитау были приведены арестованные «лесные братья» Знотин, Миндер и Адамсон. Их 3 октября того же года расстреляли уже по приговору военно-полевого суда. Но перед расстрелом они были переданы в руки известного зегевольского инквизитора Таубе, который, совместно с урядниками Журавлевым, Звейнеком и др., применили к ним общеизвестные приемы пыток, прокалывая, между прочим, щипцами кожу, раны посыпали солью и подвергали бесчеловечным избиениям; и добытые таким путем признания легли в основу приговора.

В Альтенвогской волости, ночью 19 декабря 1906 г., захали в усадьбу «Глазшкунни» два урядника, Либер и Карклин, с обыском, при чем арестовали сына дворохозяина 18-летнего Адольфа Озолина и для охраны приставили к нему помощника волостного писаря. Сами же урядники поехали в соседнюю усадьбу «Апсены», где арестовали дворохозяина Бронца Аболина с сыном Яном Або-

лином. На обратном пути оба урядника были неизвестными лицами расстреляны. На другой день карательным отрядом были арестованы все жители упомянутых усадеб и четверо из них, в том числе и находившийся во время убийства под арестом Адольф Озолин, были подвергнуты зверским истязаниям и потом по приговору военно-полевого суда 27 декабря 1906 г., будто бы за убийство урядников, расстреляны.

В Икскюле в сентябре 1906 г., «при попытке бежать», расстрелян крестьянин Рекис; в Ленневардене — два политических арестанта.

В Далене, без суда и следствия и без всякого к тому повода, расстрелян 19 октября 1906 г., батрак Бергман и кр. Лаздынь, 23 октября карательным отрядом расстреляны таким же образом Бринкман и Крузе, а 25 того же октября еще расстрелян Рагуд. Масса лиц подвергнута истязаниям нагайками и розгами.

«При попытке бежать» еще расстреляны:

В Олай — два человека, и еще Фрейман, 2 ноября 1906 г.

В Петергофе — один.

В Линденруэ — Циммерман и Винзар.

В Катлакальне — Царенко.

В Огере—Граудынь, Осип Лукша и Август Вильцин, 19 ноября 1906 года.

В Кокенгузене — присланные специально для расстрела из Риги известные Фердинанд Гринин и Сникер, а 26 января сего 1907 г. — Осит. Словом, с 1 июня 1906 г. в Рижском уезде расстреляно всего 65 человек. Сколько из них расстреляно по приговорам военно-полевых судов, сколько «при попытке бежать» в точности установить не удалось.

Военно-полевые суды, согласно постановлению генерал-губернатора, собирались втайне, состав а часто и место заседания не были известны, потому и трудно было установить, кто расстреливался по единоличному усмотрению руководителей карательных отрядов и кто по совместному их постановлению.

В Венденском уезде.

6 августа 1906 г., одним неизвестным был расстрелян дростенгофский урядник.

10 августа 1906 г., явился в Дростенгоф карательный отряд, под начальством ротмистра Краснова, уездн. нач. Иванова и пристава Месароша, созвал общеволостной сход, арестовал всех и приказал выдать убийцу урядника.

На следующий день из числа арестованных было вызвано по списку несколько лиц, а равно и очевидцы убийства урядника, остальные были отпущены. Из полученных, таким образом, 50 лиц были расстреляны, без суда и следствия и без всякого к тому повода, учитель Шиرون за то, что он будто бы вредный человек, и крестьянин Шульмейстер со своим 15-летним сыном за то, что дает будто бы приют «лесным братьям». Все трое: перед расстре-

лом получили по 150 ударов нагайками. По словам свидетелей этой расправы, молодой Шульмейстер был еще жив, когда его бросали в яму. Прикрывать убийство трех ни в чем неповинных людей пред'явлением какого-либо обвинения начальник отряда не находил нужным и пригрозил, что в следующий раз за убийство полицейского будут расстреляны без суда и следствия 9 человек, потом 27 и т. д. «Мне, — заявил начальник отряда — генералом Вершининым поручено действовать для водворения порядка самым решительным образом, хотя бы при этом пришлось расстрелять всех латышей». Оставшиеся 47 человек были подвергнуты зверским истязаниям, наносились до 400, а одному даже 500 ударов нагайками. На приход, кроме того, наложен штраф в 3.000 руб. В ноябре месяце за убийство того же урядника расстреляны еще Заринь и Паэглис. Настоящим же виновником, по крайней мер по собственному «чистосердечному» признанию, оказался никому в приходе неизвестный кр. Паурис, который в качестве такового и был на месте убийства урядника расстрелян 25 ноября 1906 года.

11 сентября 1906 г., в Лаудогской волости, отряд драгун, под начальством пристава Витола, подверг жестоким истязаниям А. Берзиня и А. Митера в усадьбе Иокст, равно разграбил и часть их имущества. 16-го же сентября был арестован тем же Витолом Петр Элмер, при аресте Витол заявил, что братъ с собою ничего не следует, так как его расстреляют за поджог. Его подвергли страшным истязаниям, свидетелей не допросили и 4 октября его действительно расстреляли по приговору военно-полевого суда.

23 октября, военно-полевой суд в Неткенгофе приговорил к смертной казни пятерых, а двоих — Карла Дука и Яна Леймана — к каторге. Последних двоих отправили в г. Венден, но с полдороги их вернули обратно и, вопреки приговору, расстреляли 26 октября. 1 августа 1906 г. был арестован усадьбовладелец Ян Абель. 30 октября 1906 г. в его усадьбу «Кунгары», под начальством кальценаусского помещика, барона фон-Брюммера, явился отряд драгун и сжег усадьбу. Убыток 8.000 руб. Тем же Брюммером был подвергнут истязаниям 13 августа П. Мауринь (получил 150 ударов); его арестовали 11 августа и только 30 октября он был предан на основании оговора военно-полевого суда и расстрелян, несмотря на то, что на начатом уже жандармерией следствии свидетели установили его невиновность. Под руководством же Брюммера истязаны еще: арестованный 25 сентября Ян Метн, потом К. Мауринь (150 ударов, избивал собственноручно фон-Раден), И. Леинь (150 ударов), девица Абол (25 ударов), ее мать (25 ударов) и другие.

12 ноября 1906 г., в Огерской волости, в усадьбу «Виндедзе», заехал барон фон-Брюммер с отрядом драгун, арестовал Августа Видциня, вывел на дорогу и, без суда и следствия и без всякого к тому повода, застрелил.

24 ноября 1906 г., был в г. Вендене предан военно-полевого суду арестованный 8 того же ноября Ян Лац. Его оправдали. Спустя несколько недель он был вторично предан военно-полевого суду и по тому же делу 16 декабря в имении Марцене в 12 часов дня приговорен к смертной казни. Его отправили в Савенскую волость, где приказ о вырытии могилы был получен в 6 часов утра, т.-е. за шесть часов до суда, и расстреляли.

7 декабря, 1906 г., в Лаудонской волости, на основании вынужденного пытками оговора, были расстреляны по приговору военно-полевого суда Петр и Андрей Сакарн, Петр и Андрей Упит и А. Барбан за то, что будто бы выпороли торговавшего тайно водкой Пусвацета. Родные расстрелянных обратились к младшему помощнику венденского уездного начальника по III участку с просьбой допросить свидетелей, но им ответили, если они не оставят дела в покое, то то же самое и с их свидетелями будет, что и с расстрелянными Сакарнами и др.

«При попытке бежать» расстреляны:

В Лубанской волости — 25 сентября 1906 г. 5 человек: Чулис, Боце, Кажок, Берзинь и Мизат — за то, что при них наши легальные брошюры: «Женщина» Бебеля, «Гражданская война во Франции», журнал «Карогс» (по лат.) и брошюру Каутского; расстрелом руководил урядник Савицкий, — 26 сентября Кревин.

В Сайковской волости — один прохожий.

Близ Вендена — Вирсис.

В Сесвегене 4 октября — Марков и Линде.

В Марценской волости 2 октября — трое.

В Крауклинской волости 5 октября — один.

В Зельзаусской волости 8 октября — лесничим Бобровским расстрелян один.

В Старо-Пегальской волости — Аболтынъ.

В Саусенской волости 14 октября — К. Озолин (перед расстрелом ему нанесли 200 ударов нагайками).

В Фестенской волости 6 сентября — двое: Тыпайн и Лепминъ.

Всего расстреляно «при попытке бежать» и по приговорам военно-полевых судов в Венденском уезде от 1 июня 1906 г. по сие время 61 человек. Установить точно, кто расстрелян по приговору военно-полевого суда и кто без этого «суда» не удалось, но достоверно известно только то, что перед расстрелом все они были подвергнуты истязаниям.

В Вольмарском уезде.

С 1 июня 1906 г. стражниками и по приговору военно-полевого суда расстреляны 6 человек: 22 июля — Милтынъ, 31 августа — Рауска, 9 сентября — Страздынъ, 13 октября — Берзинь, 14 декабря — Томинь и один неизвестный. Все они перед расстрелом были подвергнуты истязаниям.

В Валкском уезде.

В Ней-Шваненбургской волости в усадьбу «Лаузас» явился 28 октября 1906 г. в 9 ч. вечера отряд казаков под начальством местного урядника и офицера и приказал крестьянину Шмидту идти с ними. Шмидт хотел взять с собой денег и хлеба, но офицер заявил, что не надо. Урядник с офицером остались в комнате; как только Шмидт с казаками вышел — раздались выстрелы. Вышел тоже офицер и урядник и, вернувшись через полчаса, объявили, что Шмидт «пытался бежать» и расстрелян. Труп родным не выдали. Шмидт оставил жену с 9 малолетними детьми.

В Белявской волости 25 ноября 1906 г. отрядом, под руководством офицера Степанова, был арестован в усадьбе «Плауки» только-что освобожденный судебным следователем владелец ее Отто Калнин. Он хотел взять хлеба на дорогу, но ему заявили, что не надо. Его отвезли на расстояние 200 шагов от усадьбы и пашкой убили. Потом стащили его с дороги в сторону леса и там бросили, объявив после этого, что Калнин «пытался бежать» и расстрелян.

Тогда же, точно таким же образом, отряд под начальством офицера Андреева арестовал только-что освобожденного усадьбовладельца Литенской волости, усадьбы «Кушели» Отто Камельдера, в шагах шестистах от его усадьбы рассекли ему голову, пустили из браунинга две пули в лоб и в ста шагах от дороги бросили. Расстрелян опять «при попытке бежать». На второй день явился тот же Андреев с урядником Камерутом и искали в разможенной голове убитого пули. Но скрыть преступления им не удалось.

В Альт-Шваненбургской волости без суда и следствия и без всякого к тому повода отрядом казаков расстреляны в июле 1906 года четверо.

В Ней-Шваненбургской волости — Петр Злотынь «при попытке бежать».

В Тирзенской волости — двое за то, что при них нашли прокламации.

В Альсвикской волости 5 октября — Лайвин; в Мариенбурге — двое.

Всего в Валкском уезде расстреляно с 1 июня 1906 г. не по судебному приговору 14 человек.

Подвергнуты истязаниям:

В Альт-Шваненбурге 27 сентября 1906 г. Рудольф Матис (100 ударов), под руководством начальника отряда Сазонова.

В Смильтенской волости — Роберт Зиле (получил 200 ударов).

В Ней-Шваненбургской волости в ус. Канавиня, 13 января сего года, явился отряд под начальством барона фон-Вольфа и Степанова и подверг истязаниям владельца усадьбы Андрея Канавина, Павла Озолина и Тома Эюба (по 100 ударов). Подобным истязаниям подвергнуты еще и другие.

В КУРЛЯНДСКОЙ ГУБЕРНИИ.

В Добленском и Митаво-Бауском уездах.

5 сентября 1906 г. в усадьбу «Лелбалдон», Пенкульской волости, явился отряд драгун с офицером во главе и арестовал Карла Вулла и Баха; по дороге в имение Гофцумберг отряд остановился, офицер приказал арестованным прыгать через канаву; Карл Буллис не послушался, ему офицер пустил в лоб и грудь по выстрелу. Бах послушался и прыгнул через канаву, его добились солдаты. Убиты оба по оговору. Никакого участия они в освободительном движении не принимали.

Точно таким же образом, «при попытке бежать», были расстреляны: в Нейбергфридской волости 21 сентября — Яков Кошкин, в Грюнгофской волости — Зенковский и Осис, в Вильценской волости — Грабовский, в Митаве 24 ноября — двое, в Альтбергфридской волости — Мартин Михельсон и в Альтраденской волости 23 декабря 1906 г. — Унтиновский, в Фокенгофской волости 2 февраля сего 1907 г. двое — Двелис и Палишавский; последние в действительности за то, что ставили силки для зайцев в лесах князя Ливена. Они были отведены на место «преступления» и там расстреляны.

Подвергнуты истязаниям: в Вюрцавской волости в усадьбе «Межкалей» отрядом драгун, под начальством урядника Стрельцова 23 августа — Владимир и Сергей Ландманы.

В Гофцумбергской волости — трое.

Всего в этих уездах по приговору военно-полевого суда и без этого «суда», просто «при попытке бежать», расстреляно с 1 июня 1906 г. — 61 человек. В числе расстрелянных по приговору военно-полевого суда находились трое, заподозренные в убийстве графа Ламсдорфа. Их в начале сентября этот «суд» приговорил к 12-летней каторге, но потом первый приговор был отменен, и они по вторичному приговору были расстрелены. Однако, 3 октября опять пришлось судить уже «настоящих» убийц Ламсдорфа. Один из этих, Озол, был расстрелян, а двое других, Тидеман и Силин, приговорены к 20-летней каторге.

В Фридрихштадтском уезде.

1 июня 1906 г. расстреляны по приговору военно-полевого суда и без всякого суда 17 человек; в числе девяти, расстрелянных по приговору военно-полевого суда, одна женщина из Сетценской ус. «Дамбы».

В Виндавском уезде.

Карательными отрядами, при попытке бежать, без суда и следствия и без всякого к тому повода, расстреляны: 21 сентября член латышской социал-демократической рабочей партии Барбан; 24 того же сентября в Пильтенской волости — Ян Путин; по дороге из Виндавы в Донданген — один человек; в Виндаве — Ванга за то, что при нем нашли нелегальную литературу;

ночью с 14 на 15 октября Бер Фейтельберг (18 лет) и 6 ноября Карл Крузен. Бера Фейтельберга арестовал поручик Янсон с тремя солдатами. При обыске ничего предосудительного найдено не было. Родителям запретили следовать за ним. Его вывели на улицу и тут же расстреляли без всякого к тому повода. Потом в «Курляндских Ведомостях», за подписью генерал-губернатора Бекмана, было напечатано, что войсками расстрелян бунтовщик (!) Фейтельберг. Тем же Янсоном в имении Пепена, в сентябре было подвергнуто истязаниям несколько крестьян, в том числе Лапинь отец и сын Вейкели и др. В Дондангене без всякого к тому повода расстрелян мальчик — ученик садовника. По приговору военно-полевого суда там же расстреляны «чистосердечно признавшиеся» в поджоге усадьбы соседа брата Трейлон; после расстрела оказалось, что они невиновны. Истязаниям же в Дондагене и в окрестностях, под руководством барона фон-Драхафельса и других, подвергнута масса лиц. Между прочим, в июле 1906 г. в имении Лонаст Драхафельс собственноручно избил жену арендатора имения — Бушевич, трое сыновей которой (врач, агроном и помощник присяжного поверенного) обвиняются в прикосновенности к освободительному движению.

В январе же сего 1907 г. расстрелян без суда и следствия и без всякого к тому повода социал-демократ уполномоченный, владелец усадьбы «Пентули» Фрей со своими двумя батраками. Теперь после его расстрела истязаниями и пытками малолетнего Дзегуза стараются добыть улики против расстрелянных. Всего без суда и следствия в Виндавском уезде расстреляно с 1 июня 1906 г. — 12 человек и по приговору военно-полевого суда.

В Гробинском уезде.

«При попытке бежать» расстреляны: в Ималенской волости 5 сентября 1906 г. Сирмульнь; в Альшвангенской волости Скрибас; близ г. Гробина 2 сентября Гутман и потом еще двое; по дороге из Виргиналена (Вергал) в Либаву — Бибе; в Руцавской волости — Грабовский и Ракке; в Прекульнской волости — Алуц, 20 ноября — Дзерва и Робежник; в Либаве 20 ноября — Фриц Элерт, Отто Нуткин и др.

Всего расстреляно в этом уезде с 1 июня 1906 г., при попытке бежать и вообще без суда, — 31 человек, а по приговору военно-полевого суда — один; подвергнуты истязаниям Виргиналенский, корчмарь Зириин и др.

В Газенпотском уезде.

«При попытке бежать» расстреляны:

В Сексатенской волости 13 сентября 1906 г. — двое; а 6 января сего 1907 г. владелец усадьбы «Беннит» — Шмидт.

В Газенпоте — один.

В Рудбаренской волости 12 сентября — владелец усадьбы «Кипи», а 19 сентября — еще один.

В Дубеналькене — один пастух.

и Найноденской волости — двое.

В Калетенской волости 12 ноября — один; 15 февраля сего 1907 г. — кузнец Яков Фишер, а 16 того же февраля — Яков Гретен. По дороге в Крутен 15 же февраля 1907 г. — либавский портной Рупейк.

Истязаниям в числе других подвергнуты 16 января 1907 г. в Нодагене крестьяне: Андрей Зундис, Карл Зиверт и Карл Грунтман; 17 января два брата Пустынь; 18 января батрак Вильгельм Кальман и сын владельца усадьбы «Рипель».

Всего расстреляно в этом уезде с 1 июня 1906 г., без суда и следствия и без всякого к тому повода, «при попытке бежать» — 13 человек.

В Туккум-Тальсекском уезде.

11 октября 1906 в Туменской волости был арестован отрядом, под руководством офицера Батъямирова, помощника уездного начальника Маевского и урядника Грановского, Ян и Юрис Вейде; оба они, а также и жена Яна Вейде были жестоко избиты, при чем с отъездом отряда пропали разные вещи в усадьбе.

По дороге в Туккум избиение продолжалось. 21 октября Юрис Вейде, вместе с другим арестованным Гульбис, взяты были из Туккумской тюрьмы для расстрела без суда и следствия, что и было исполнено в 9 верстах от г. Туккума по дороге в Ирмлау, «при попытке бежать». 11 ноября тем же урядником Грановским был арестован в усадьбе «Лаяс-Саус» Правиньнекской волости Август Саус. Отец последнего, опасаясь расстрела сына «при попытке бежать», просил разрешения сопровождать отряд и свести самому сына в г. Туккум. Но в этой просьбе ему было отказано. По дороге в Туккум отряд свернул в лес, и там «при попытке бежать» Август Саус был расстрелян. И в тот же день таким же образом тем же отрядом был расстрелян кузнец Цукурин из усадьбы «Гребжас». Помимо упомянутых лиц, «при попытке бежать» в Туккуме и окрестностях еще расстреляны: Безайс, 1 октября 1906 г. — Мершульц, Гульбис П., Радзинь, Бриде, 11 ноября — Жано Лапинь, батрак Ансон, Дегаль, Амолин, Аболтынь, 11 ноября — Калнин, два брата Фришенфельд, Бутте, Анскалы, Палдин, Буден и друг. Палдин расстрелян потому, что у него нашли шкуру и мясо дикой козы, Будин — за то, что нашли прокламации, за что другие — неизвестно.

В Тальсене — 6 сентября 1906 г. — Балод и в Нурмазене — двое.

Всего в Туккум-Тальсенском уезде без суда и следствия и без всякого к тому повода расстреляны с 1 июня 1906 г. — 35 человек. Все они перед расстрелом подвергнуты самым зверским истязаниям.

В Гольдингенском уезде.

7 ноября 1906 г. из Гольдингенской тюрьмы были взяты Ян Делле, Яков Цутнин, Герман Зинге, Карл Сакал, Индрик Миллер и Густав Маркевиц для отправки их якобы в г. Митаву.

обыкновенных крестьянских подвод, дабы избавиться от лишних свидетелей, были взяты подводы из имени Фон-Бредериха Курмалена, койми управляли стражники. Отправкой руководил сам — Фон-Бредерих, а с арестованными поехал корнет 17 драгунского Волынского полка Беловский. По дороге в пределах Падернской волости, в 14 верстах от г. Гольдингена, Беловский отдал приказ убить арестантов. Приказ был исполнен, при чем некоторые из арестованных, в виду отказа слезать с подвод, были убиты на них. Якова Путнина убили прикладом, Густава Маркевица били прикладами; потом шашкой перерезали шею. Каменщик Ян Делле (вдовец оставил малолетних детей), несмотря на просьбу оставить его в живых и расследовать его дело судебным порядком, был тут же приколот штыком; у Индрика шашкой перерезали шею, выбили зубы и потом прикололи штыком; у Карла Сакал (оставил 4 малолетних детей) выбили глаз, а у Зингиса свернули шею. Убитых и полуживых их всех стащили в лес и там по ним дали еще несколько залпов.

Таким же образом «при попытке бежать» еще расстреляны близь Гольдингена: Лапин, 29 октября 1906 г., Вейдеман, Силин (31 августа), Пикис, Карклин, Эльбер и другие, всего в этом уезде с 1 июня 1906 г. — 26 человек, в том числе некоторые по приговору военно-полевого суда. Все они перед смертью подвергнуты варварским истязаниям. Ближайшими помощниками Фон-Бредериха в истязаниях являются Вольфман и урядник Силин, который не гнушается избивать даже женщин. В числе прочих подвергнуты истязаниям: учитель А. Грундберг, кр. Салнин, Катрина Лапинь и др.

В гор. Риге, за время с 1 июня 1906 г. по сие время, по приговору военно-полевого суда и без суда расстреляно 130 человек, что вместе с уездами составляет в одной латышской части Прибалтийского края 475 убитых, в том числе 187 по приговору военно-полевого суда.

* * *

Итак, даже военно-полевая юстиция оказалась недостаточной для той кровавой расправы, которая чинилась и еще чинится в Прибалтийском крае. На-ряду с расстрелами по приговорам военно-полевых судов продолжают еще массовые расстрелы не только без этого «суда», но часто даже вопреки его постановлениям. Но местная администрация пошла еще дальше: сожженные усадьбы воспрещалось вновь отстраивать, и некоторые потерпевшие, несмотря на то, что до сих пор им не пред'явлено никаких обвинений, все еще не могут добиться разрешения на восстановление хозяйства. В то же самое время страховые общества отказываются уплачивать страховые премии, а местное дворянство и их кредитные учреждения усердно взыскивают с потерпевших крестьян выкупные и арендные платежи. Тела убитых карательными отрядами и «при попытке бежать» запрещаются хоронить на клад-

бищах; их зарывают убийцы куда попало и к физическим мукам и лишениям оставшихся присовокупляются еще нравственные страдания.

Не довольствуясь расстрелами и истязаниями населения, сожжением и разгромом его имущества, карательные отряды и администрация взимают еще с населения разные незаконные штрафы и поборы. За время с 1 января 1906 г. уплачено латышскими крестьянами до 100.000 р. штрафа за совершенные в пределах волости неизвестными лицами преступления, как-то: порча телефонных столбов, закрытие корчем и монопольных лавок и т. д.

По распоряжению генерал-губернатора и карательных отрядов, население должно было содержать на свой счет разных сторожей для охраны телефонных столбов, монопольных лавок, корчем, имений и разных полицейских и даже частных учреждений и лиц.

Помимо всего этого, население должно было поставить избивающим и разоряющим его отрядам и их начальникам и руководителям даровые подводы, местами и даровые дрипасы и исполнять разные другие незаконные требования бесчисленного множества представителей военных и гражданских властей. Так, по распоряжению начальника Рижского уезда Жилинского и его помощника Фролова, все мужское население (от 16 до 60 лет) в течение шести недель, в самое страдное для полевых работ время, должно было искать двух пропавших урядников. Лиц, не исполнивших подобных незаконных требований властей, подвергли истязаниям и высылке места не столь близкие. Высылка без суда и следствия, а чаще всего и без указания причин, приняла в последнее время такие ужасающие размеры, что во многих местах не хватает рабочих; так, в Густавсберге (в Рижском уезде), помимо 3 убитых и 3 арестованных карательными отрядами, высланы без объявления причин 27 человек, что составляет больше половины взрослого мужского населения Густавсберга.

Не ограничиваясь этим, начальники карательных отрядов вмешивались даже в гражданские отношения частных лиц и, под угрозой строгого наказания, заставляли исполнять все претензии помещных дворян. На основании подобных постановлений начальников карательных отрядов (напр., постановление генерала Орлова от 6 января 1906 г.), руководителями карательных отрядов из местных дворян совершались поступки, носившие явно личный характер: зачастую подвергались истязаниям и расстрелам лица, ничего общего с политикой не имевшие, только за то, что у них были личные счеты с местными помещиками или их заместителями.

Картина творящегося в Прибалтийском Крае произвола и насилия не была бы еще выставлена в надлежащем свете, если бы не прибавили, что за время с 1 января 1906 г. по приговорам обыкновенных судов расстреляно более 250 человек, число же приговоренных к каторжным работам в два-три раза больше. К этому нужно еще прибавить до 200 убитых в Туккуме, Тальсене и других

местах в начале декабря 1905 г. Последних мы не вносим в запрос, хотя и они все почти до единого убиты уже после восстановления порядка, не вносим потому, что расстрелу этих лиц тоже предшествовало сопротивление властям, между тем как убитые потом без суда и следствия полторы тысячи человек расстреляны или повешены в то время, когда, по официальному донесению даже генерала Орлова, никакого сопротивления ни до, ни после расстрела оказываемо не было.

Однако, оказывается, что и принесенных жертв еще недостаточно. Не успели еще заглухнуть выстрелы, коими были расстреляны 17 человек по туккумскому делу, как на горизонте появляется новый кровавый приказ: закончено следствие по делу о революционном движении в Рижском уезде, и 150 человек, все «преступление» коих заключается только в том, что они пытались положить предел царящему в крае произволу, ожидает военный суд. За этим делом, вероятно, последуют еще другие. А одновременно продолжают расстрелы «при попытке бежать», сопровождающиеся бесчеловечными истязаниями.

В виду того, что все вышеуказанные действия гражданских и военных властей в крае еще все продолжают, мы предлагаем Государственной думе обратиться к министрам внутренних дел, военному, морскому и юстиции по следующим срочным запросам:

1) Известны ли им указанные факты систематических убийств без суда и следствия, поджогов, грабежей, истязаний и других незаконных действий, чинимых над населением Прибалтийского края.

2) Какие меры ими приняты на предмет прекращения произвола и насилия местных военных и гражданских властей края, а равно привлечены ли к суду виновные в этом должностные лица.

3) Какие меры ими приняты для возмещения убытков, понесенных населением от упомянутых действий.

С.-Петербург, 13 апреля 1907 г. Члены Государственной думы:

- 1) Иван Озол, 2) Алексинский, 3) Мандельберг,
- 4) Аникин, 5) Измайлов, 6) А. Демьянов, 7) Ин. Юдин,
- 8) М. Муртен, 9) А. Булат, 10) В. Архангельский,
- 11) А. Кимряков, 12) Ив. Мушенко, 13) Е. Сорокин,
- 14) П. Щипин, 15) А. Лосяк, 16) Т. Алакозов, 17) Кумялис,
- 18) А. Купстас, 19) Приходько, 20) Лопаткин,
- 21) Вахрушев, 22) И. Романов, 23) И. Петров, 24) И. Кириенко,
- 25) Юрине, 26) Юргенштейн, 27) К. Партс,
- 28) Э. Трейман, 29) М. К. Попов, 30) М. Немельцев,
- 31) С. Нечитайло, 32) П. Снигирь, 33) В. Толмачевский,
- 34) Тимошин, 35) Баташев, 36) Марев, 37) Миртов,
- 38) Белановский, 39) А. Калинин, 40) Н. Кацашвили,
- 41) Е. Петров, 42) Зубаров.

IV.

РЕЧЬ ДЕПУТАТА СОЦ.-ДЕМ. И. ОЗОЛЯ.

10 апреля 1907 г. комиссия «по запросам» внесла запрос на обсуждение Государственной думы. Обсуждение продолжалось на двух заседаниях; выступало более 25 ораторов из разных фракций. После обсуждения постановили запрос направить в министерство юстиции и внутренних дел.

17 мая 1907 г. министр юстиции и товарищ министра внутренних дел Макаров выступали на заседании Государственной думы с разъяснением по запросу о действиях полицейских чинов. Министр юстиции в своем объяснении сообщил, что им было произведено по данному запросу расследование, которое выяснило, что никакого разрешения и поручения подвергнуть побоям и штыкам политических заключенных прокурорский надзор не давал. Между прочим он заявил: «Рижская прокуратура в местности, об'ятай революционным террором, среди всеобщего смятения и тревоги мужественно и стойко исполняла тяжелый и ответственный долг, а поэтому я позволю себе с особенной настойчивостью протестовать против всех сведений о прокуратуре».

Старался он также опровергнуть указанные факты о деятельности тюремного надзора и конвоя и пр.

Товарищ министра внутренних дел Макаров продолжал в таком же духе. Он заявил, что «условия расследования этих фактов осложнились; некоторых из потерпевших допросить не представлялось возможности: одни из них осуждены уже, другие — уехали за границу, третьи — скрылись» и т. д. Он сказал: «Я далек от мысли утверждать, чтобы полиция при производстве допросов в Прибалтийском крае, не наносила в некоторых случаях побоев. В этом отношении я должен сказать вам, что уже в прошлом году и отчасти нынешнем в Прибалтийском крае возбуждено 42 дела по обвинению полицейских чинов в причинении насилия. Одно из этих дел прекращено за недостатком улик, другое закончилось обвинительным приговором, по которому подсудимые присуждены к лишению всех особых прав и преимуществ и к отдаче в исправительные отделения на один год, остальные дела находятся в производстве».

В заключение он заявил, что полиции пришлось работать в тяжелых условиях, и поэтому естественно, что она могла в некоторых случаях лишиться того хладнокровия, которое, быть может, требовалось от нее для того, чтобы действия ее были вполне закономерными.

После разъяснения министров от социал-демократической фракции выступал депутат Озол (от Риги)¹, речь которого мы приводим:

РЕЧЬ ОЗОЛЯ.

— Граждане-депутаты, я хотел быть кратким, но в виду того, что представитель министерства внутренних дел свел вопрос об истязаниях в арестном помещении Прибалтийского края на общую тему, я должен буду в конце своей речи коснуться и ее, но сначала я отвечу по существу на каждый отдельный вопрос.

Министр юстиции заявил, что прокуратура не знала ничего и вообще жандармское управление, которое совместно с ней действовало, не утверждало никаких таких комиссий, которым поручало бы ведение следствия. Я в прошлый раз имел честь доложить вам жалобу Эглита, который обращался не один раз к той же самой прокуратуре, и ему отказывали и точно также жаловался и на полицейские власти, просил о выдаче ему медицинского свидетельства и ему было отказано. Теперь я вынужден вернуться к тому же. У меня есть другие факты — громкое дело 36. В их числе Липман Рубинштейн был допрошен в участке при следующих обстоятельствах: 21 января его вызвали на допрос в канцелярию первого митавского участка; там был пристав Мейер и прочие — много военных.

Как только он вошел, его начали жестоко бить. Я пропускаю подробности. Утром к нему вошел пристав и заявил, что если он не подтвердит всего того, что было в протоколе допроса, и не подпишет протокола, то его убьют; 26, в два часа дня, его вызывает в карцер пристав Мейер и в присутствии офицера повторяет то же самое заявление.

Сейчас же после этого его ведут на допрос, где сам товарищ прокурора Бусло приказывает ему подтвердить и подписать уже готовый протокол, хотя он его и не читал, и угрожает, что в противном случае его повесят.

Об этом подана жалоба его превосходительству генерал-губернатору Прибалтийского края, на которое ответа не получено. В жалобе передано, что на основании таких же статей Липман Рубинштейн себя виновным не признает во взводимом на него преступлении; он истязался, несмотря на все протесты, и в требовании, предъявленном жандармскому подполковнику Серебряникову, занести это в протокол, ему было категорически отказано.

Далее, что касается отдельных подробностей, что тот человек, который был убит, скончался от ран там, то-есть в участке, то, конечно, я не утверждаю, что действительно все подробности точны. И в газеты иногда проникают неточные сведения.

¹ Иван Озол после разгона II Государственной думы эмигрировал в Америку и, по имеющимся у нас сведениям, в настоящее время работает в представительстве СССР в Америке.

В газетах было сказано, что Антон Наркевич, при попытке бежать, был убит, а теперь, оказывается, он повесился, другие газеты сообщили, что он пытался бежать и был повешен; теперь оказывается, что он в участке, в одиночной камере повесился. К сожалению, более подробных данных о нем нет, но те данные, которые имеются относительно Эммы Достер и были сообщены министром юстиции, односторонни; даже немецкие газеты, а они всегда знают все подробно и наперед, сообщали, что она только стояла у окна, т.-е. перед окном, но в виду того, что камеры очень маленькие, с одним окном, — я знаю эти камеры, тоже сидел несколько дней в этой Центральной тюрьме, — то там человека, если он стоит перед окном, всегда можно видеть.

Так что утверждение, что она оскорбляла стражу и этим были вызваны выстрелы, неправильно. Далее, что касается утверждения относительно следствия 31 марта, то здесь министр юстиции обходит молчанием все другие истязания, хотя они совершались в тюремных помещениях. Я этого касаться не буду, возвращусь к этому потом. Но сейчас скажу о деле 31 марта. Прежде всего нас поражает противоречивость показаний в судебном протоколе, который я сегодня прочел в газетах; оказывается, что показание о том, что побег был подготовлен заранее, дается только двумя обвиняемыми, а именно Игнетием и Козловским.

Другие же отрицают это. Далее, не установлено, кто именно стрелял в камеру: стража обвиняет в этом тюремное начальство, стражников и помощников тюремных надзирателей; те же в свою очередь обвиняют солдат, которые будто бы стреляли в камеры по заключенным. Но интересна одна подробность: когда в первый же день после этого столкновения явился в камеру начальник тюрьмы, ему заключенные в камере заявили, что по ним, по заключенным в камеру, стреляли. На это начальник тюрьмы им заявил: «вы стреляли в стражу». Однако установлено, что один в этой камере был найден убитым под матрацем: значит, он безоружный скрывался от выстрелов, иначе нечего ему было прятаться под матрац. В этом заявлении потерпевших, что они стрелять не собирались, что они были бессильны, интересно то, что они указали, что есть следы пуль в их камере; в стене, т.-е. на противоположной стене, при чем из всей стражи оказалось только трое солдат, раненых легко.

После этого заявления тюремный начальник замолчал, а на другой день пришли каменщики, заделали все дыры в камере, и на противоположной стороне оказались потом некоторые повреждения в стене. После этого, конечно, вы можете судить, каково должно быть судебное следствие, если тюремная администрация так поступает со всеми вещественными доказательствами. Что касается того, что арестанты будто бы пытались бежать, то нас поражают следующие обстоятельства. Старались столкнуть надзирателя Соколовского Кипс, Швех, при чем Эдвард Кипс бил его; в числе застреленных оказываются: Бобсберг, Блау, Лаблайк,

Кирш, Репул и др., при чем все раны застреленных следующие. у Бобсберга имеется штыковая рана через голову, через левый висок, вышедшая через правое ухо, кроме того колотая рана через другое ухо, огнестрельная рана под мышкой и штыковая рана в спину. У него же выломана левая рука. У Кирша проколото левое плечо, сломан правый локоть. У Мурмана штыковая рана в спину. У Лаблайка проколота голень, переломано левое бедро, и рана была заполнена стружками и ватой, и в таком положении он был найден в виде трупа его родственниками. У Блау штыковая рана в спину через грудь.

Установлено также, что эти лица не стреляли, так как им чем было стрелять. Указано как раз, что те лица, которые будто бы пользовались солдатскими ружьями, были Дошкин, также Швех и Кипс, и которые будто делали нападение, оказались в камере; не стреляли по тем, которые находились в коридоре, и по тем, которые находились заключенными в камере № 4. Что касается вещественных доказательств истязаний, имеющихсся вообще в тюрьме и которые, будто бы, недоступны министру юстиции, то я должен сказать только следующее.

В каждой тюремной больнице ведь ведется фельдшером или соответствующим лицом так называемый скорбный листок о том, с какими ранами поступают арестанты туда на излечение, и если бы вы взяли на себя труд потребовать эти скорбные листки из Рижской центральной тюрьмы, то вы увидели бы, что там почти все повреждения значатся травматическими: перелом костей, рук, ног и т. д., по которым больные и лечатся в тюремной больнице. Из этих скорбных бюллетеней стало бы ясно, откуда появились эти раны. В самой тюрьме ведь их не наносят; значит, раны оказались, конечно, полученными в участке.

Я должен заявить, что судебное следствие по делу 31 марта не закончено.

Я тоже всех этих материалов не имею, кроме газетных сведений. Поэтому я окончательно воздерживаюсь от оценки событий 31 марта, тем более, что запрос пред'явлен по поводу истязаний, пыток и глумлений над личностью, а не специально об этом лишь одном столкновении, но я допускаю, что столкновение вызвано невыносимым тюремным режимом. Теперь, что касается заявления товарища министра внутренних дел, что будто бы потерпевших нет, что вообще их заявления в этом отношении могут быть только единственным компетентным источником, что они за границей и т. д., то я укажу, что так, именно в данном случае, нельзя рассуждать; раз эти потерпевшие находятся под начальством тех же самых лиц, которые их истязали (ведь лица, служащие в той Центральной тюрьме, несколько раз отвозили арестованных в сыском отделении и в полицейские участки для производства дознания и затем вновь препровождали в Центральную тюрьму), то, конечно, ясно, что они не могли показывать на этих самых лиц

в присутствии этих лиц, что им наносились побои и о том, как производились эти побои.

Я узнал, что местному тюремному инспектору заключенные жаловались, например, на то, что их часто обыскивали, при этом снимают даже ботинки. Когда они делали заявление тюремному инспектору, он ответил: «Да этого мало, вас нужно раздеть и обыскать еще чаще, потому что вы можете на прогулках проносить записки. Все, что делает тюремное начальство, это делается по распоряжению свыше; тюремное начальство ни за что не отвечает. Я это вам, как инспектор, заявляю».

После этого мудрено, чтобы потерпевшие в присутствии этих самых лиц могли давать беспристрастные показания. Беспристрастные показания этих самых потерпевших имеются будто бы в протоколах дознаний, но они вынуждены были зверскими побоями; эти показания тоже записаны со слов пострадавших, но, однако, веры им дать нельзя, потому что потом они отказываются от своих показаний. Но если угодно сослаться на различные заявления, то я должен сослаться точно на такие же заявления, которые у меня здесь имеются письменно от некоторых свидетелей, которыми сделаны были показания чиновника особых поручений министерства внутренних дел Дьяченко, командированному в Ригу для производства дознания об этих делах.

Он, по получении громадного количества материалов о пытках и истязаниях в тюрьмах и полицейских участках, сделал следующее заявление в присутствии двух подсудимых 7 мая этого года: «На основании этих материалов, которые я получил, заявляет он, я прихожу к заключению, что здесь действительно имели место самые страшные истязания и пытки и что администрация Прибалтийского края всему этому потворствовала и что здесь трудно обнаружить эти незаконные действия». Если он откажется от своих слов, я назову свидетелей, которым он это заявлял.

Далее, что касается того заявления товарища министра внутренних дел, что будто бы нет следов на этих самых истязуемых, что это заявление совершенно не соответствует действительности, то да будет мне позволено сослаться на один факт, которого я не приводил в запросе, но о котором я получил несколько жалоб и писем, а также и сестра потерпевшего заходила на днях ко мне — это факт, касающийся потерпевшего крестьянина Курситенской волости, Курляндской губернии, Газенпотского уезда, Мезиса, который был арестован первый раз 14 марта 1906 г. и потом был выпущен 4 мая, а 13 августа 1906 г. был вновь арестован в усадьбе Кирменек уездным начальником Бредрихом и его помощниками Адольфи и Вольфманом.

Его истязали тут же при аресте, затем истязали в Гросс-Эзернской волости, в усадьбе Даубуры, потом его истязали в Пампале, затем истязали недалеко от Муравьева на станции Луша и его истязали всевозможными способами. Я не буду этого касаться, укажу только на тот факт, что, наконец, врачебная помощь была ему ока-

зана только в Либавской больнице. Вследствие избития половых органов его должны были оскопить.

В результате всего, он находится и сейчас еще в Либавской тюрьме. Против него нет никаких точных улик, и в виду того, чтобы добиться от него показаний, его истязали во всех этих различных арестных помещениях.

Видел его истязания целый ряд свидетелей в одном, другом и третьем месте. У меня таких свидетелей указано 15 человек, я их могу назвать, если суд пожелает этого. Вследствие этих истязаний не раз жаловались в министерство внутренних дел знакомые и родственники потерпевшего. Исключительны условия, при которых он был арестован: дело в том, что сам уездный начальник сделал набег на его усадьбу, переодевшись, в качестве купца со своими проводниками. Он впоследствии оказался полицейским и тут же на месте начал истязать его.

Почему полиция считает нужным прибегать к переодеванию, несмотря на то, что она имеется в таком большом количестве — этот вопрос остается невыясненным. Этот человек от истязаний лишился слуха, страдает сильным головокружением, общей физической слабостью и расстройством нервов. Его подвергали в тюремных и арестантских помещениях, между прочим, следующей пытке: не давали ему по несколько дней ничего пить, так что он должен был утолять жажду своей собственной мочей.

Сказать после этого, что нет никаких следов, я нахожу, по меньшей мере, рискованным.

Относительно арестованных в Рижской тюрьме у меня есть еще масса новых документальных данных со слов как раз самих потерпевших, и я мог бы их представить суду, если бы он пожелал, я мог бы представить с указанием фамилий лиц, которые подвергались точно таким же истязаниям. Назову только фамилию одного лица, арестованного 30 января 1907 г. на квартире, это Федор Керевиц, который подвергался истязаниям в участке и в сыскальной полиции, а теперь он сидит в Центральной тюрьме. О том, что они подвергались истязаниям, имеется целый ряд свидетелей.

Что касается общих соображений, т.-е. оценки субъективной, то можно сказать, что все эти побои, которые допускаются представителем министерства внутренних дел, вызваны тем общим настроением, общей политической борьбой, которая ведется в Прибалтийском крае будто бы против полиции. Тут товарищ министра внутренних дел позволил себе экскурсию в 1905 г. еще до 17 октября.

В таком случае я должен восстановить некоторые факты: именно, чем были вызваны такие столкновения, как туккумское восстание, нападение на драгун. Я должен сказать следующее: еще до 17 октября 1905 г. прибалтийские бароны выписывали в свои имения черкесов через Рижский учетный банк, совершенно официально, которых держали в качестве телохранителей. Они

укрепляли свои замки, выписывали в значительном количестве оружие, замки замуровывали и превращали в крепости. То же самое относится к так называемому нападению на стрелковое общество, о котором я скажу потом. Из этих замков они совершали формальные набеги на крестьян по самым разнообразным поводам: по поводу того, что крестьяне предлагали уменьшение арендных платежей, или потому, что крестьяне не останавливали забастовок, от которых сами терпели, так как они — усадьбовладельцы; иногда эти крестьяне вызывались к баронам и там их секли, требовали, чтобы батраки не бастовали, как будто крестьяне-усадьбовладельцы желают, чтобы бастовали их батраки. Барон Рекке у Туккума совершил набег с целью грабежа. Он ограбил мельницу Шлокенбек 1 декабря 1905 г., забрав массу крупы и муки (голоса: сомнительно). Нет, это несомненно. Об этом было сказано во всех местных газетах. Кроме того, истязания крестьян совершались и князем Ливеном в Фокенгофе. В Праулуне и в Сайкове, в Лифляндской губернии, в июле 1905 г. совершались истязания крестьян. Крестьяне привязывались в лесу к соснам, и там их били нагайками.

Вот, в виду всех этих истязаний крестьян и немудрено, что в 1905 г. вспыхнула такая забастовочная волна, волна демонстраций, которая выразилась в том, что крестьяне потребовали от своих местных властей самоуправления, чтобы они установили какой-либо порядок, чтобы мирное течение жизни не могло быть ничем нарушено.

В виду этого крестьяне, даже усадьбовладельцы, сами примкнули к забастовке сельско-хозяйственных рабочих, имевшей место в июле 1905 г. в Курляндской губернии в трех уездах, в которой участвовало до 30.000 рабочих. Во время этой забастовки дворяне-помещики не только стали применять самые ужасные истязания, но даже стали нападать с оружием на крестьян-усадьбовладельцев. Вот в виду этого уже объединились не только пролетарии, боровшиеся за увеличение заработной платы, предъявленной забастовок, от которых сами терпели, так как они — усадьбовладельцы примкнули к этой экономической забастовке. Этому сочувствовали также и сами сельские власти, которые не оказывали сопротивления, когда их смещали, и предъявили требование об установлении нового самоуправления во всем крае. Это факт, я не стану его отрицать, и на основании этого факта был созван съезд крестьянских делегатов с разрешения самого губернатора г. Риги Звегинцева 19 ноября. Этот съезд определил, что в видах установления порядка, нужно произвести новые выборы в местное самоуправление края в виду того, что старые власти неспособны гарантировать какой бы то ни было порядок. Это, конечно, нарушало мирное течение жизни, это не было выгодно ни для кого в деревне.

Вот после этого, конечно, крестьяне, ожидая и зная, что эти способы совершенно мирные и пользуясь тем, что после торже-

ственно провозглашенных начал манифеста 17 октября, а также в виду того, что сам губернатор разрешил этот с'езд, — он охранял этот с'езд патрулями, чтобы соблюсти порядок и чтобы туда не явились лица не приглашенные, не делегаты с'езда, в виду этого они считали постановления с'езда правильными и старались ввести их в жизнь.

Тогда были организованы исполнительные комиссии для того, чтобы охранять жизнь и имущество граждан от произвола и избиений драгун и черкесов. Такие шайки были дрессированы и организованы дворянами в Штокмансгофе, Ремерсгофе, около Туккума бароном Реке и другими, которые при помощи своих телохранителей нападали на крестьян. После 17 октября, когда началась митинговая эпоха, митинги, конечно, устраивались повсюду, и тут первым делом дворяне организовали драгунские отряды, и, под внушением прибалтийских баронов, опять стали нападать на мирные митинги. В Роденгойзе драгуны застрелили 5 человек на митинге. Под Туккумом было сделано нападение, стреляли в мирную толпу, несмотря на то, что губернатор Бекман разрешил собрания на основании манифеста 17 октября. К кому же тогда было обращаться за разъяснением того, отменил ли манифест 17 октября статьи военного положения, запрещающие собрания, — а военное положение было введено еще 6 августа. В виду этого генерал-губернатор заявил, что он разрешает мирные собрания, между тем после этого собрания обстреливались. Кто же тогда колебал авторитет власти? Те ли, кто верили этому авторитетному заявлению высшей власти, или те, кто нарушили это авторитетное заявление представителя власти и стреляли в мирную толпу.

После этого были распушены разные тревожные слухи, неизвестно кем; я утверждаю, что в некоторых местностях это были переодетые полицейские и заявляли о приближающейся будто бы черной сотне. В виду этого всюду крестьяне стали организовывать из своей же среды милиции, не имея еще никакого оружия — они его не выписывали. Оружие было только у баронов, которые заблаговременно, с разрешения властей, выписывали себе маузеры и револьверы.

Вот это делалось с разрешения властей. Крестьяне организовались, чтобы дать отпор и не дать возможности грабить и совершать беспорядки. Такая же милиция была установлена в г. Туккуме между прочим, с согласия городского головы и с согласия местной администрации, которая не протестовала против такой милиции. Но когда милиция была установлена, тогда отряды драгун, под предводительством барона Рекке, стали нападать и расстреляли двух человек из этой милиции. Тогда произошел отпор, произошло столкновение с драгунами.

Вот как было дело, и это может подтвердить сам генерал Хорунженков, который заключал мирный договор с этой милицией, когда он сам с пушками осадил Туккум.

Так представляется дело Туккума. Что касается оскорбления войск и специально драгун, то это неправда.

Сами осажденные, на которых напал генерал Хорунженков, вели себя правильно и с точки зрения военной дисциплины: они не позволяли оскорблять ни трупов, никого, а тех лиц, которые попадались в ограблении трупов, они сами удерживали, а некоторых расстреливали тут же.

Это было подтверждено в немецких газетах, так что заявлять, что было также оскорбление войскам — неправда: было столкновение. Это мы признаем и в том запросе о карательных отрядах, который был внесен. Я не понимаю, какое тут отношение к истязаниям. Тут речь идет о столкновении, подобное которому имело место и в других местах и было вызвано известными причинами. Что касается всех тех других указаний, что будто бы революционеры нападали на войска, а также прокламаций, с коотрыми министр юстиции хотел связать эти нападения с социал-демократией, то я уже в прошлый раз имел случай доказать, что как раз к социал-демократии обращались сами бароны за восстановлением порядка, даже когда народная милиция арестовывала их самих в Ремерсгофе, Ленневардене и в других местах.

Они обращались в социал-демократический комитет г. Риги с просьбой о помощи, так как они понимали, что не социал-демократия сторонница тех насильственных действий, причиной которых являются они. Точно также совершенно неправильно дальнейшие указания министра внутренних дел относительно нападения на электрические трамваи, тут он хотел связать это с рабочими организациями. Укажу, что, например, одна бомба была брошена у Александровских ворот как раз в тот момент, когда выходили рабочие и рабочие этой же бомбой оказались убитыми, трамвай не пострадал. Когда же стали искать виновных, их не нашли, и оказалось, что и настоящей-то бомбы не было, но были выстрелы со стороны стражников, которыми и убиты несколько рабочих. Кто бросил бомбу — неизвестно.

Обвинять рабочие организации в тех фактах, которые суд даже не установил, я нахожу совершенно неправильным. Точно также неправильны ссылки на «лесных братьев», которые будто бы производят покушение и с которыми приходится считаться и бороться там полиции. Эти «лесные братья», по моему глубокому убеждению, являются порождением системы карательных отрядов.

В виду того, что весь край об'явлен на военном положении, в виду того, что карательные отряды действовали всюду в деревнях, они сделали массу лиц нелегальными и не разрешают этим лицам появляться; таковым является, например, Мезис, который один раз был освобожден, потом был взят во второй раз и которого истязали.

Скажите, кому охота лезть в когти полиции? Забирались освобожденные карательными отрядами; последние являлись в одно

и то же место на производство одного и того же следствия три, четыре и пять раз. У меня есть письмо, (я потом приведу его), где сказано, что в одну и ту же волость карательный отряд являлся семь раз и наказывал тех же лиц несколько раз за одно и то же преступление.

А каковы были инструкции карательным отрядам, это вы извольте прочитать в том циркуляре, который был дан эстляндским генерал-губернатором Саранчевым и напечатан в газете «Товарищ» от вчерашнего дня. Неудивительно, что такие «лесные братья», т.-е. лица нелегальные, у которых все имущество осталось в их усадьбах (некоторые из них крупные домохозяева, владеющие усадьбами, стоимостью в 20.000 — 40.000 руб.), вынуждены скитаться и, конечно, добывать себе пропитание сначала попрошайничаньем, прибегая к милости своих сограждан. Когда последних за это расстреливают, бьют, тогда они вынуждены администрацией, которая их преследует, приняться за незаконные действия.

И таким образом, чем больше таких карательных отрядов, чем больше они свирепствуют, тем более они порождают таких «лесных братьев». В виду того, что обыкновенного суда нет, их судом не судят, не принимают их заявлений и не считаются с ними, а просто ищут для расстрела. Вот весь фатализм существования таких «лесных братьев». Что касается того, что были, будто бы, опозорены церкви, местное самоуправление и другие учреждения в 1905 г., то я должен здесь констатировать факт, что введение политической борьбы в стены церкви действительно было; вина в этом лежит именно на тех же прибалтийских баронах.

Первый выстрел, который грянул в церкви, имел место в 1905 г. в день Троицы в Сессауской церкви в Курляндской губернии, где бароны Ган и Бистром, вооружившись браунингами, напали на толпу. В этой перестрелке от пуль браунинга был убит сам барон, хотя обвиняли в его убийстве случайно схваченного одного из богомольцев, некоего Скадинга, которого продержали в тюрьме почти год: против него не оказалось достаточных улик. В 1906 г. его застрелили в тюрьме накануне оправдания. Таким образом, заявлять, что приход добровольно вел политическую борьбу также и в церкви, неправильно. Нужно иметь в виду то обстоятельство, что все пасторы являются ставленниками баронов. В Прибалтийском крае существует патронат, где против воли общины любой пастор может быть назначен бароном. «Паства не должна знать своего пастыря, как стадо овец не должно знать своего пастуха», — заявлял барон Фитингоф Шель. Эти пастыри не пользуются любовью народа, тем более, что они призывают с кафедры церкви о том, чтобы крестьяне исправно платили платежи баронам.

Так что, если там политическая борьба попала в церковь, то это не удивительно; тем более, что пасторы являются крупными земельными собственниками, они получают арендную плату с кре-

стьян, они разрывают контракты, не дают земли на выкуп крестьянам; сверх того, они получают еще мзду за известные требования, но главный их доход — аренда с крестьян. В виду этого неумудрено, что им предъявляются требования даже в церкви самими крестьянами, чтобы они понижали высокую аренду. Что касается указаний, что какой-то человек в этой церкви сместил бога, то в крае еще более грязные инсинуации распространялись по адресу латышей: будто они хотят отделиться от России и учредить республику.

Но когда подобные дела предстали перед военным судом, где Бредрих обвиняли крестьян соседней волости, что они хотели отделиться от России, — заметьте, отдельная волость, выделиться от России и образовать республику, — то это подтверждали два его свидетеля, те же самые крестьяне, которым он дает, конечно, всякие облегчения по контрактам и которые находятся у него в имении, где они следуют по его пятам; а Бредрих — всесильный начальник полиции и карательных отрядов.

И вот эти крестьяне свидетельствуют что ему угодно. Когда у них на суде спрашивали, что такое республика, они в недоумении хлопали глазами, они ничего не могли сказать и не знали, что такое республика. Обвиняют истязуемых, что они смещали бога, провозглашали республику и отделялись от России; немецкие газеты не раз пускали инсинуации; в каждом убитом портном, в каждом ремесленнике видели будущего президента республики; арестованный теперь крестьянин Кродер из Кокенгаузена тоже был обвинен, будто прочил себя в кандидаты в президенты латышской республики, но никаких улик по поводу этого не оказалось. Пускались также слухи, будто среди крестьян ходят деньги с портретами латышских писателей, например Яна Асара, будто бы отпечатанные революционерами; потом оказалось, что это пустые слухи, выдуманные просто газетными прихлебателями.

Мнение о том, чтобы отчет Рижской городской управы, которая тратит свыше полумиллиона на полицию, и на простую и на казаков, чтобы этот отчет мог служить доказательством планомерных действий полицейских и жандармских властей в арестных помещениях и что все зависит от распорядительности вновь назначенного полицмейстера, я нахожу совершенно необоснованным. Ведь раз идет дело о борьбе с массой, с народом, которым производятся покушения на полицию, то полицмейстер играет только роль начальника этой полиции. Стало быть, вся его распорядительность сводится к этим арестным помещениям, как и к сыскному, а не к благоустройству города и вовсе не к устранению тех причин, которые вызывают нападения на полицию. Какова распорядительность рижской полиции, видно из следующего факта: 1 мая были командированы в Гагенсберг некоторые полицейские чины; чтобы наблюдать за порядком. Эти полицейские чины произвели экспроприацию в лавках, вместо того, чтобы наблюдать за порядком, и их пришлось предать суду.

Вот какова распорядительность полиции, вот каковы нравственные качества той самой полиции, которой предоставлено блюсти порядок и на основании показаний которой здесь нам дают объяснения и утверждения министр внутренних дел, а также министр юстиции. Если бы вы стали считать все жертвы, все убытки, нанесенные полицией населению, то вы здесь насчитаете гораздо больше нежели те 1.114 лиц, которые были здесь указаны министром внутренних дел и министром юстиции.

Одними карательными отрядами убито свыше 1.200 человек, из них более половины без всякого суда и следствия. Ими сожжено много усадеб; я насчитал 318 усадеб. Об очень многих из них я имею точное описание всех тех условий, при которых производились сжигания. Но мало того, что помещики сжигали усадьбы; они сжигали усадьбы с тем, чтобы требовать потом от правительства возмещения.

Многие усадьбы сжигали сами бароны-каратели. Они сжигали свои усадьбы, а потом просили у правительства возмещения убытков. Они получили уже это вознаграждение в сумме свыше 400.000 руб. и еще просят. Такова политика, вызванная карательными отрядами, она продолжается до сих пор и тогда, когда никаких тайных столкновений уже не было. Еще 30 октября 1906 г. в Одендеевской волости была сожжена усадьба Каугур фон-Бримером, и это было в то время, когда мы уже не имели никаких данных, даже из газет, о каких-либо столкновениях, не было опасности, что эти усадьбы могли бы мешать передвижению войск или что там собирались революционные организации и обстреливали войска. Так вот, все те поджоги, о которых говорил министр, касаются помещичьих замков, в которых заседали вооруженные дружины дворян и черкесы, выписанные специально с Кавказа.

Эти замки были, действительно, местами крестьянского разгромления, и в некоторых местах имеются достоверные показания, что в одном месте сам управляющий подносил керосин для поджога этого замка — это имело место в Лифляндской губернии. Что касается вообще всех тех подачек, которые получили прибалтийские дворяне за свою политику, в возмещение тех убытков, которые они потерпели, то я должен сослаться на следующее: за всю эту политику им разрешено заложить имения, дарованные дворянскому сословию, и совсем уже не отдельным лицам, за границей за сумму в 5.000.000 руб. Это исключение сделано только по отношению к ним единственно в России, и это является, опять-таки, возмещением как бы убытков, которые они потерпели во время революционного движения.

Точно также им вносится по бюджету 3.300.000 руб. за отнятие пропинационного права, хотя они кабаки и винокуренные заводы содержат по сей час. Все их кабаки и вообще винокуренные заводы лежат тяжким бременем на всем населении, которое должно постоянно их караулить, следить за тем, чтобы не проис-

ходило никаких беспорядков, за которые в таких случаях штрафуют все население. Нам указывают, что поджоги были вызваны революцией, что в этом виновны социал-демократы и специально весь рабочий класс.

Это обвинение уже по одному тому отпадает, что как раз в тот момент, когда действовали в Прибалтийском крае исполнительные комиссии, т.-е. от 19 ноября до 20 декабря, — никакого такого уничтожения имущества, никаких таких беспорядков не было, а были беспорядки там, где дворяне с драгунами и казаками нападали и где крестьяне защищались, там и происходили столкновения. Точно также относительно полиции. Все нападения на драгун и полицию происходили там, где на заводах имела постоянный постой полиция и беспокоила рабочих после периода свобод. Во время периода свобод, когда, действительно, рабочий класс имел возможность в той или иной форме влиять на общественную жизнь, никаких таких столкновений не было. Я указывал уже в прошлый раз на тот факт, и это осталось неопровергнутым, что в руках рабочих был сам начальник сысского отделения, и он не вредимым был доставлен к губернатору. Точно также я напомним, что 24 октября, когда в Риге была попытка полиции устроить погром, рабочими были захвачены некоторые лица, например барон Таубе и некоторые представители тайной полиции, которые имели при себе в руках оружие, стреляли и пытались произвести столкновение на улице, чтобы дать тот или иной повод к началу погрома; но они были освобождены и препровождены в губернское правление; над ними никакого самосуда население не позволило себе даже в то время, когда оно имело власть. Теперь же этот самосуд распространен повсюду, этот самосуд творится именно представителями администрации.

Наконец, я еще вернусь к Рижской тюрьме и приведу следующий характерный факт. Есть распоряжение высшей администрации, по которому надзиратели в тюрьмах не имеют права носить при себе револьверов — для того, чтобы их не обезоруживали, и для того, чтобы не происходило ненужной стрельбы, в виду того, что вооруженными являются стража тюрьмы, конвойные солдаты, тут же по близости тюрьмы находящиеся. Между тем, все тюремные надзиратели имеют при себе револьверы, которые они держат то в кобурах, то в карманах, а не на видном месте. И вот, когда делал ревизию Максимовский, тогда, по распоряжению начальства, эти револьверы были отобраны, но после того, как ревизия была произведена и он уехал, револьверы опять у них появились. В таком виде производить ревизии, учинять дознания и опровергать факты, о которых говорит вся пресса Прибалтийского края, невозможно; я указываю, что вся пресса свидетельствует о том, что карательные отряды без суда и следствия производят расстрелы, действуя даже не как военно-полевые суды, а пользуясь правом штандрехта, т.-е. расстрелом без суда и следствия, — об этом вся пресса помещает каждый день сведения.

И после этого говорить, что нет достаточных фактов, что об этом высшее правительство ничего не знает, можно только после того, когда правительство в своих действиях является безответственным не только перед народными представителями, но даже безответственным за все те поступки низшей администрации, за которые оно должно бы было отвечать. (Аплодисменты слева).

К ИТОГАМ 1905 ГОДА В ПРИБАЛТИЙСКОМ КРАЕ.

Все расправы с рабочими и крестьянами были произведены не только потому, что были упразднены старые волостные правления, уничтожены царские потреты и казенные винные лавки, а главным образом потому, что революционное движение взялось за разрешение аграрного вопроса и передачу земли крестьянам. Прекратились арендные платежи. Массовое революционное движение подошло вплотную, чтобы смести все отжившие и прогнившие права и привилегии помещиков. Революционное пламя уничтожило множество помещичьих гнезд, которые несколько веков были местами роскошной жизни и развлечений балтийских баронов. Мы знаем, что революционное движение также очень широко зашло в Грузии, Польше, подобно Прибалтийскому краю. Там тоже были избраны во многих местах революционные органы самоуправления, но там участники новоизбранных органов хотя и преследовались, но не подвергались повешению и расстрелу, как это имело место в Прибалтийском крае.

Из вышеприведенных материалов видно, что в Прибалтике очень многие расстреливались, избивались лишь потому, что местный помещик имел «личные счеты». Многие расстреливались уже по заранее составленным спискам; здесь огромную услугу оказывали пасторы, которые хорошо знали местное население, и предатели из бывших помещичьих слуг и проч., которые использовали расправу в своих личных интересах.

Баронам нужны были жертвы, часто даже ни в чем не повинные. Было много таких случаев, когда карательные экспедиции встречали на дороге человека, забирали, избивали, всячески издевались и затем расстреливали, несмотря на то, что он абсолютно никакого участия в революционном движении не принимал.

Царское правительство предоставило балтийским баронам все права на кровавую расправу. Поэтому и карательные отряды расправлялись под руководством баронов. Избиение арестованных до потери сознания и разные издевательства, чтобы только заставить «признаться» и подписать протокол о том, что виновен, а также бесчисленные расстрелы «при попытке бежать» — все это свидетельствует, что правительство решило всеми и всяческими зверскими методами и без всякого стеснения вырвать с корнем глубоко вросшее в Прибалтике революционное движение против помещиков. И, конечно, правительство нашло удобных исполнителей в лице балтийских баронов, которые с редким

мастерством профессиональных убийц, исполняли эту задачу, прославив себя своими подвигами.

Когда вышеприведенные запросы были переданы второй Государственной думой министрам юстиции и внутренних дел, г.г. министры старались всячески доказать, что все эти действия чиновников «совершаются закономерно», затушевать факты, оправдать зверскую работу своих слуг утверждением, что все это делается «во имя народного блага и общественного порядка». Такие оправдания могли дать те, кто был заинтересован в происшедшем кровопролитии, кто сам жаждал рабочей и крестьянской крови.

Спасаясь от такой расправы, многие из участников революционного движения вынуждены были скрываться и жить нелегально в лесах, в отдаленных сараях и т. п., зная хорошо, что если попасть в когти карательной экспедиции или полиции, то все равно придется перенести зверские издевательства и не избежать смерти. Из них образовались так называемые «лесные братья». Тяжелые испытания пришлось перенести «лесным братьям», жить в холоде, иногда в голоде и под страхом нападения.

Глубокие следы оставила свирепствовавшая реакция на рабочих и крестьянах Прибалтийского края. Много выбыло из рядов революционеров, убитыми, искалеченными, погибло в тюрьмах и ссылках. Но это еще более разжигало ненависть против самодержавия и баронов.

Революционный пролетариат, не теряя ни минуты, вновь стал перестраивать свои ряды, приспособляясь к окружающим условиям, и готовился к новым решающим боям.

СО Д Е Р Ж А Н И Е.

	Стр.
Предисловие	3
Революционные дни в Прибалтике	5
1. Срочный запрос № 5 от 2 апреля 1907 года социал-демократической фракции Государственной думы	9
2. Протокол заседания комиссии по запросам 6 апреля 1907 года	10
3. Срочное заявление соц.-дем. фракции Гос. думы 13 апреля 1907 г. о запросе № 22	22
4. Речь депутата соц.-дем. И. Озоля	71
К итогам 1905 года в Прибалтийском Крае	85